

— Фрэнсис Кель —

18+

ПЕЧЕНЬ СОРОКОПУТА

Охотники за мирами

Фрэнсис Кель

Песнь Сорокопута

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кель Ф.

Песнь Сорокопута / Ф. Кель — «Эксмо», 2022 — (Охотники за мирами)

ISBN 978-5-04-187041-6

Отец учил Готье тому, что каждый должен знать свое место в этом мире. Чистокровные правят. Полукровки работают. Низшие разрушают. Джером с детства уяснил только одну истину. Чистокровные празднуют. Полукровки прислуживают. Низшие страдают. Их миры могли никогда не столкнуться, если бы не Скэриэл. Первая книга Young Adult-цикла в жанре dark academy. Действие романа происходит в альтернативном мире, очень похожем на наш, общество в котором поделено на три сословия: чистокровные, полукровки, низшие. Проблемы отцов и детей, классовое неравенство, дружба и любовь, рассуждения о Сергее Дягилеве и Александре Македонском, поиск себя и истины, императорские интриги и дух революции – это «Песнь Сорокопута». Повествование в романе ведется от двух персонажей разных сословий, что дает возможность более ярко раскрыть мир, помогает сопереживать героям, держит в напряжении. Книгу по достоинству оценили книжные блогеры: «Перед вами квинтэссенция любви к искусству, поданная под соусом темной академии и приправленная восхитительным языком. Химия персонажей, атмосфера, интриги и манипуляции – все сплелось в истории запретной дружбы Скэриэла и Готье. Эта книга поймает и сожрет вас, подобно настоящему сорокопуту, не оставив шанса остаться равнодушным. Стоило научиться читать, чтобы однажды отыскать эту жемчужину». – Влада @vlad.lena.dan «Готовьтесь окунуться в альтернативу нашего мира, где чистота крови играет самую важную роль и где царит атмосфера просвещения, переворота и идеи. И все вкупе создает и сплетает не сам сюжет, который будет руководить героями, а, наоборот – героев, создающих полотно невероятного сюжета». – Вит @ost_vitbooks В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-187041-6

© Кель Ф., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Volumen I	9
Praefatio	10
Incipit prologus	12
1	13
2	20
3	26
4	32
5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Фрэнсис Кель

Песнь Сорокопута

Иллюстрации на обложке, нахзаце и в тексте Кристины Деминой

Карта на форзаце Екатерины Звонцовой

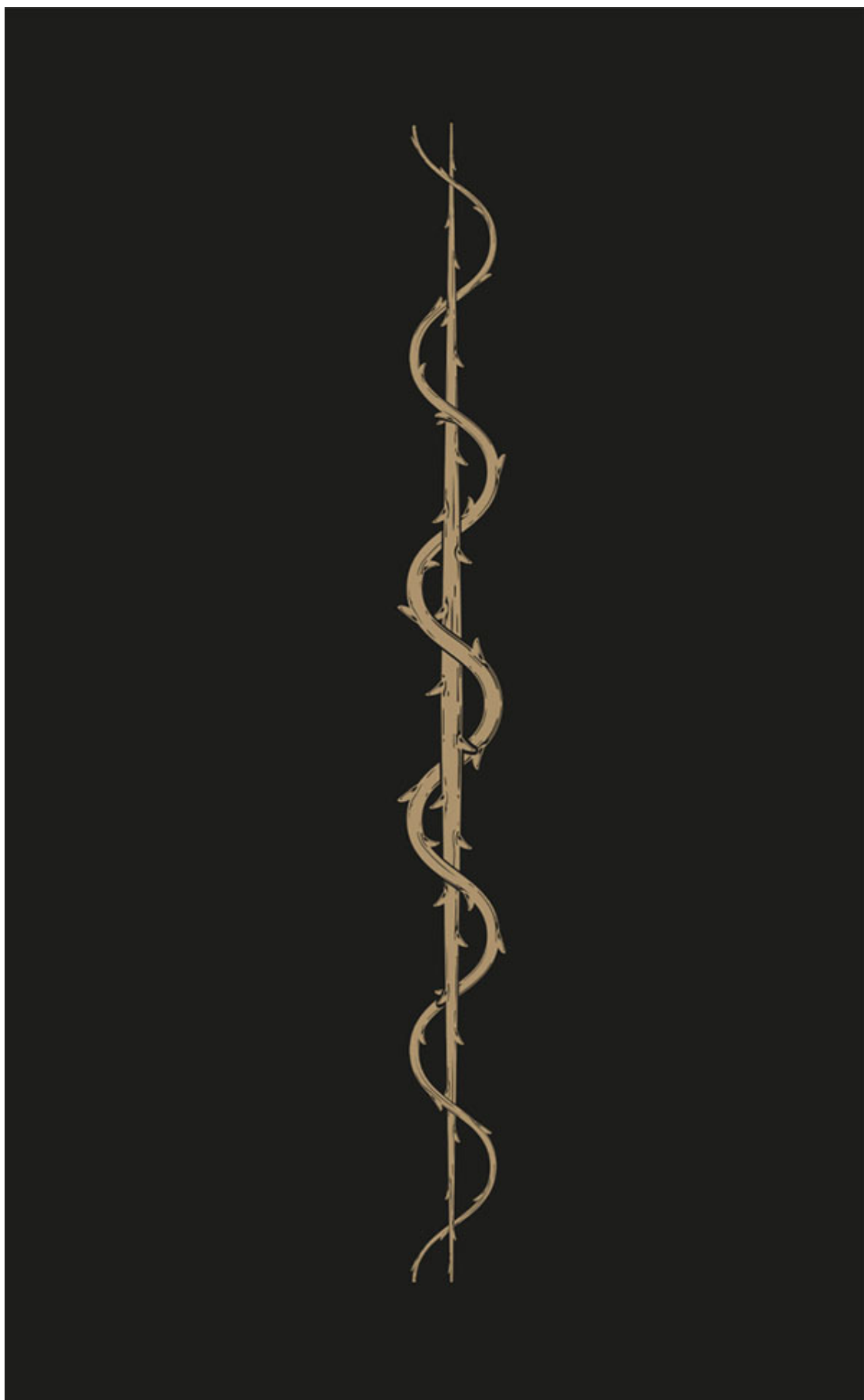
Дизайн Кати Петровой

© Кель Ф., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

«Песнь Сорокопута» – начало захватывающей серии о мертвой империи, которой нет на карте привычной нам Европы.

О таинственной силе, по наличию и отсутствию которой людей теперь делят на высших и низших. О жажде перемен и страхе перед ними. Но прежде всего – о том, как непросто оставаться собой, любить и искать путь, когда ты юн, потерян и только учишься бороться за себя, близких и справедливость. Готье не знает, какова цена благоденствия его семьи, но скоро он откроет глаза. Скэриэл лишь догадывается, кому и чему бросил вызов, но скоро его ждут первые жертвы. И пусть вас не обманывает то, что в первом томе не так много событий.

Скоро они захлестнут вас, а пока время знакомиться с Октавией и людьми, от которых зависит ее судьба. Услышьте песнь Сорокопута.

И пусть он примет вас в семью.

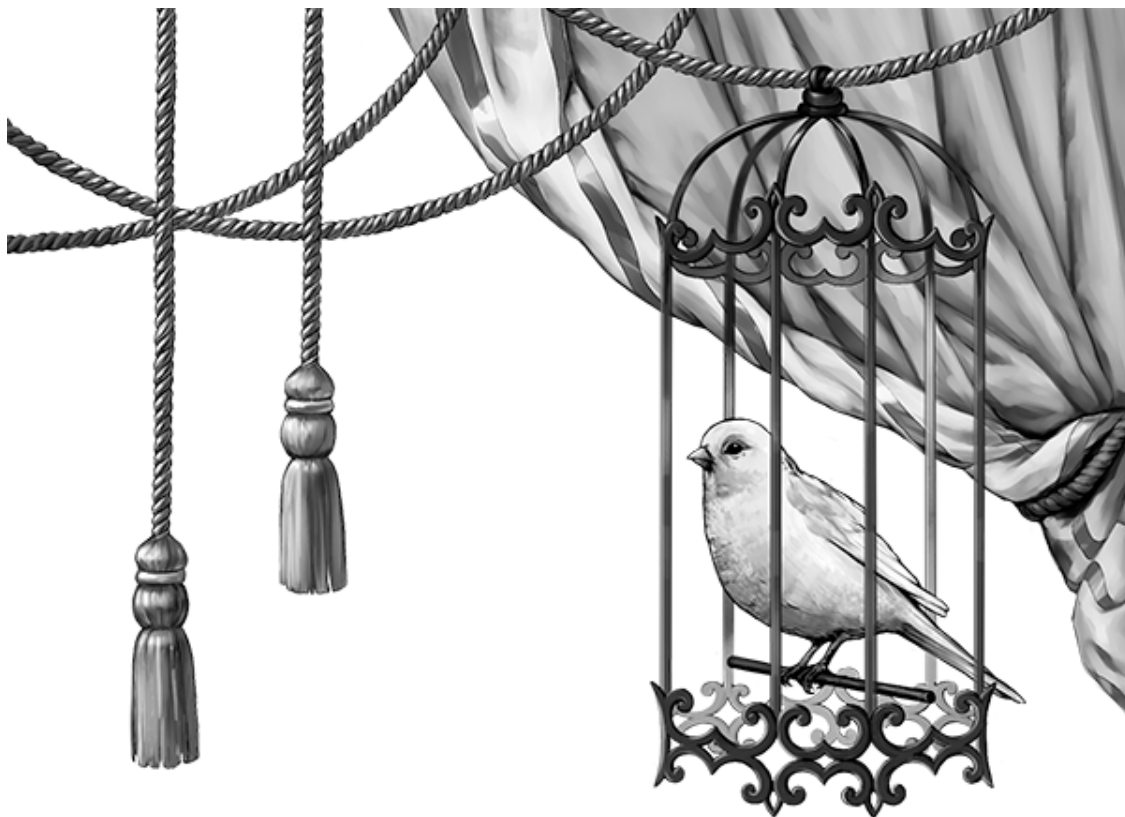
ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА

редактор, преподаватель литературного мастерства, писатель

Volumen I

Anno MMXXIV

Praefatio

Здравствуйте, дорогой читатель.

Я бы хотела предложить вам перейти на «ты», но не дожусь здесь ответа, а быть невежливой не хочу.

Если вы уже читали «Песнь Сорокопута» и «Песнь Сорокопута. Ренессанс» в первом издании (с обложками Дарьи, она же Markass), то знайте, что во втором помимо нового оформления, иллюстраций, карты и списка отсылок (который я давно обещала, но преступно тянула) вас ждут ещё дополнительные сцены и главы. Литературным редактором книги была Екатерина Звонцова. Карту Октавии, к слову, тоже рисовала она!

Но давайте обо всём поподробнее.

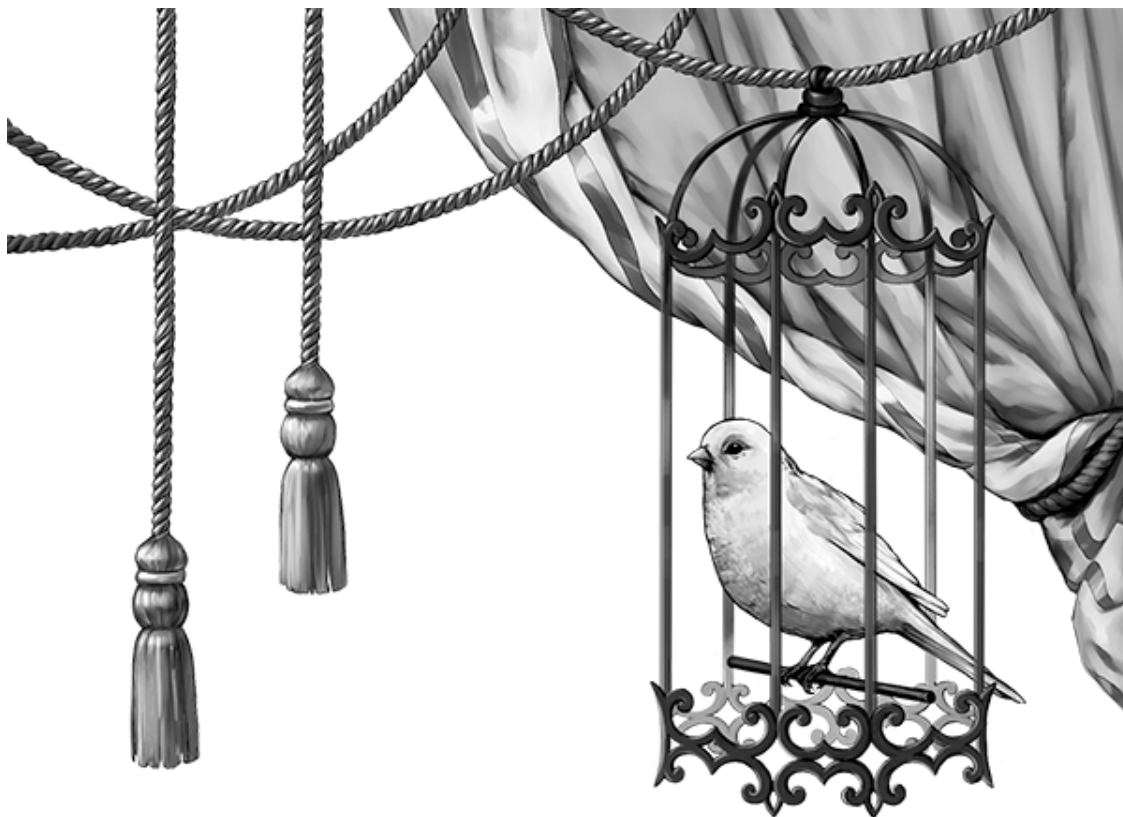
В руках вы держите переиздание первой книги цикла «Песнь Сорокопута». Мы вложили в него много любви и сил, поэтому надеемся, что вам понравится. Чтобы цикл мог свободно продаваться, нам пришлось совсем чуть-чуть поработать с его текстом, давайте называть это «аккуратными изменениями», как говорит Кира Фролова, мой ведущий редактор.

Благодаря всему этому Сорокопут теперь широко расправит крылья и устремится вперёд. Per aspera ad astra. Через тернии к звёздам.

И пусть Сорокопут примет вас в свою семью.

Incipit prologus

Я кричал, тянулся к нему, но не мог приблизиться ни на дюйм.

На запястьях были наручники; меня приковали к ржавой трубе, по которой ползали мокрицы. Очертания подвала едва удавалось различить в свете тусклой лампочки. Она часто мигала – казалось, вот-вот потухнет, оставив нас троих в темноте.

Джером, прикованный к трубе напротив меня, не кричал, не вырывался – словно смирился с неизбежным. На его лице читалось безграничное отчаяние: брови надломлены, рот испуганно приоткрыт. Он немигающим взглядом смотрел на Скэриэла, как будто боялся, что, если моргнёт, – тот исчезнет.

– Скэриэл! Пожалуйста! – в панике крикнул я, повернул голову к металлической двери и взмолился в пустоту: – Пожалуйста, кто-нибудь! Он умирает! Помогите!

Скэриэл лежал между нами; нож всё ещё торчал из его груди. Кровь медленно окрашивала грязный пол. В тусклом свете она сделалась практически чёрной. Или мне это только казалось.

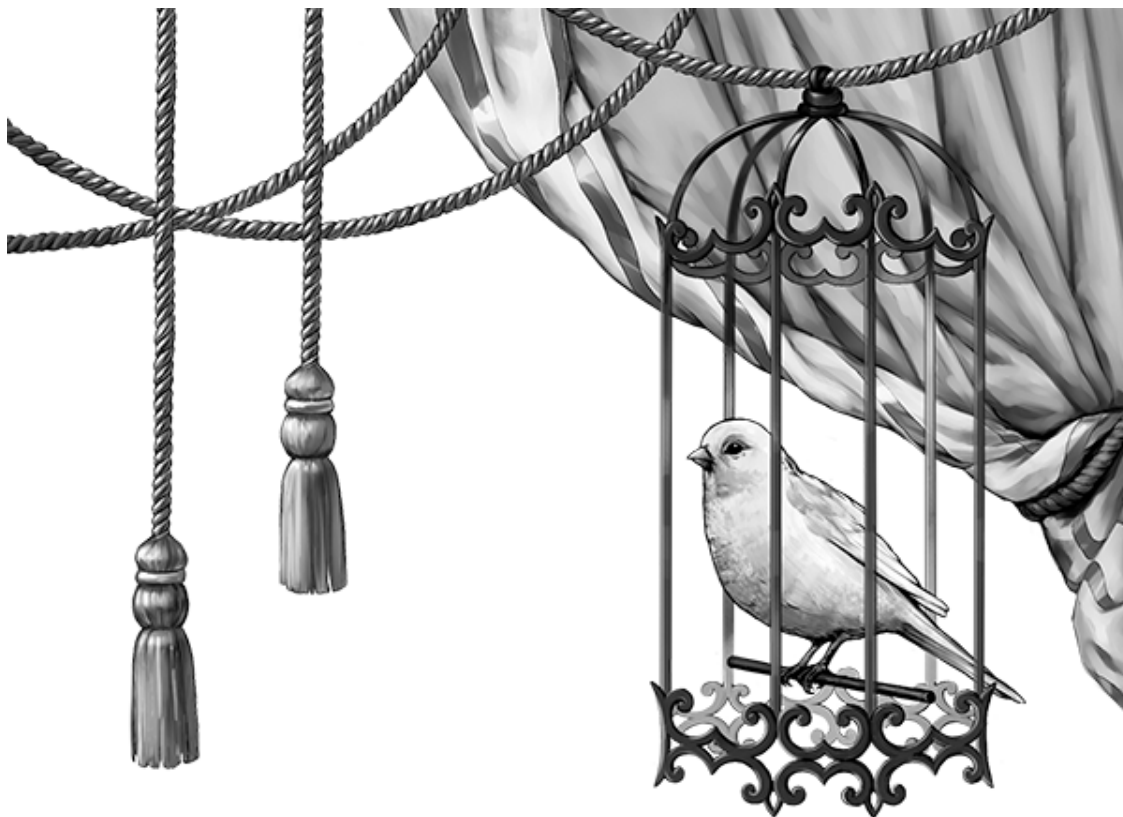
– Пожалуйста... – прошептал я отчаянно и глухо. – Спасите его...

Слёзы застилали глаза. Запястья саднило там, где серебристый металл натирал кожу.

Я вновь посмотрел на Скэриэла. Он не двигался, не издавал ни звука; его руки были скованы наручниками за спиной. Он лежал как тряпичная кукла посреди грязного подвала. Я не видел его лица, на которое завесой упали тёмные волосы. Мне так хотелось дотянуться до него, заправить прядь за ухо – тем жестом, который он так любил.

– Всё кончено, – вдруг тихо произнёс Джером и впервые за всё время нашего заточения поднял на меня взгляд, полный жалости. – Это конец.

1

– Господин Готье.

Я обернулся. Наша новая горничная – Лора, девушка-полукровка лет семнадцати, – стояла в дверях гостиной, опустив взгляд и сцепив руки в замок. Мимоходом я отметил, что она чудесно выглядит в чёрном форменном платье до колен и белом переднике. Было заметно, что Лора нервничает – кажется, сегодня она впервые обратилась ко мне по имени, хотя жила с нами уже около месяца. Небольшой срок, но комната в домике для прислуги ей досталась хорошая, ведь она приходится племянницей Сильвии, нашей домоправительнице.

– Господин Уильям просит вас в свой кабинет.

Я ничего не ответил. Она кивнула, словно я что-то ей поручил, и тихо ушла, так и не подняв взгляда.

Прежде я не интересовался, кто занимается покупками, оформляет гостиную к праздникам, – принимал как должное, что три этажа нашего дома и участок всегда в идеальном порядке, мои рубашки отглажены и висят в шкафу, дожидаясь своего часа, а в любое время дня и ночи я могу получить свежеспечённый хлеб, горячий суп или говядину на гриле. Только недавно я осознал, что вещи не сами возвращаются на места после того, как Габриэлла, моя сестрёнка, раскидает их во время игр; что не по мановению волшебной палочки комнаты обретают прежний вид спустя пару часов после того, как наш старший брат Гедеон в гневе разнесёт половину дома (это случалось в последнее время довольно часто, особенно когда отцу пришлось надолго уезжать). Лишь непривычно тихое поведение прислуги всегда подсказывало: произошло что-то из ряда вон выходящее. Я слышал шёпот тут и там, но стоило мне войти в комнату, как все сразу замолкали и выглядели так, словно их поймали на продаже семейного фарфора.

Помню, как-то, лет в десять, я проснулся рано утром из-за кошмара. Прележал полчаса и, не сумев уснуть, спустился в кухню выпить стакан воды. Там я внезапно столкнулся с Кэтрин и Фанни: они сонно месили тесто для хлеба. Меня это удивило. Почему они не спят? Зачем готовят в такую рань? Мне довелось увидеть изнанку наших будней.

Оказалось, что Сильвия встаёт ни свет ни заря и руководит всеми слугами: несколько женщин ответственны за уборку, Кэтрин и Фанни – за кухню. Миссис Нар – гувернантка Габриэллы. Теперь появилась ещё и Лора – она пока выполняет простые поручения, учится всему, но, возможно, в будущем, лет через двадцать, займёт место тёти. Ещё есть мой водитель Кевин, которого можно назвать везунчиком: обязанностей у него поменьше. Он отвозит меня в лицей утром и забирает после обеда. Больше я никуда не выезжаю.

Теперь, зная, сколько трудится наша прислуга, я стараюсь всегда наводить порядок в своей комнате, следить за чистотой, напоминать восьмилетней Габриэлле, чтобы она убирала игрушки. А их, клянусь богом, так много, словно мы целыми днями только и делаем, что, как безумные, скупаем их по магазинам. Детский хлам всюду: бесконечные куклы с одеждой и домиками, плюшевые медведи, рассыпанные по углам пазлы, которые Габриэлла если и собрала бы в цельную картину, то только к старости. Но самое кошмарное – маленькие и острые детали от «Лего». С виду мягкий, светлый ковёр в комнате сестры больше похож на минное поле. Я бы не решился туда зайти ни за какие деньги. А вот Скэриэлу Лоу, моему лучшему другу, там нравится: он с удовольствием пьёт с Габи чай из детского сервиза в окружении мягких зайцев и слонов, что бывает, к счастью, нечасто.

Уже не раз Габи, наслушавшись отца, с детской непосредственностью обрушивала на Скэриэла град вопросов:

– Скэриэл, а вы полукровка? Как Сильвия и Лора? Мой папа говорит, что в Октавии у полукровок никогда не было таких же прав, как у чистокровных. Все полукровки должны работать на чистокровных. А вы тоже работаете? Вы были в Запретных землях? Это очень плохое место.

Но если успокоить Габриэllu мне под силу, то остановить разгневанного Гедеона я никогда и не пытался: во мне ещё жив инстинкт самосохранения. Гедеон старше меня на четыре года, но судя по нашим отношениям – на все сорок. Всегда сдержанный и тактичный, брат в то же время подобен вулкану, копящему недовольство долгие годы, а затем извергающемуся так мощно, что лучше сразу разбежаться кто куда. Мне всякий раз стыдно за эти его порывы уничтожить всё вокруг. Не знаю, что чувствует брат, но после своих срывов он не покидает комнату несколько дней. А потом снова появляется всеми уважаемый, порядочный Гедеон Хитклиф собственной персоной. И так раз за разом.

Я отложил книгу, которую читал, а если быть честным – то последние десять минут рассеянно водил глазами по тексту. Отвлёкшись на свои мысли, я упустил нить повествования задолго до появления Лоры. Обычно я всё время провожу в своей комнате: читаю, играю в приставку, доставшуюся путём долгих и упорных переговоров с отцом, и учусь. Бывает, я с головой ухожу в придуманный мир, переживаю за персонажей игр, книг или фильмов, забываю о семье, да что уж там – о том, что организму банально необходимо есть и спать, но, к счастью или нет, позволить себе такое я могу только на каникулах.

Отец нечасто приглашал меня в свой кабинет, и теперь я готовился к худшему. Он мог опять начать разговор про Скэриэла. Я люблю отца и уверен, что он отвечает мне тем же, вот только он всегда был против проявлений каких-либо нежных чувств. Мы не разговаривали по душам (возможно, и к лучшему; как только я представляю себе столь конфузную ситуацию – хочется аж на стену лезть), не ходили вместе в кино, в кафе, на стадион, чтобы поболеть за любимую команду по баскетболу или хоккею – ничего такого. Мы с отцом вообще никогда не обсуждали что-либо дольше десяти минут.

Я поднялся на третий этаж, постучал в дверь и вошёл, оглядывая кабинет – просторный, напоминающий скорее личную библиотеку с широким письменным столом в центре. Посмотрел на высокую, статную фигуру отца. Он был занят документами. Выглядело всё так, будто я без приглашения ворвался к нему в разгар рабочего дня.

– Вы хотели меня видеть? – осторожно нарушил тишину я, но он даже не поднял седой головы.

Взгляд привычно зацепился за три фоторамки на письменном столе. Я знал, что на самом большом фото запечатлена мама: молодая, красивая, она тепло улыбалась в объектив. Эта улыбка могла покорить любого. На другой фотографии, центральной, были Гедеон, Габриэлла и я: сестра восторженно позировала, а мы с братом пытались спрятать кислые мины. Помню эту ужасную семейную фотосессию, после которой я зарёкся участвовать в подобном. Последнее фото стояло горизонтально, и на нём было целых девять хорошо одетых, светловолосых юношей – вроде какие-то друзья детства отца. Глядя на этот снимок, я вспоминал, что когда-то и он был озорным и юным. Когда-то очень давно. Наверное, он уже и позабыл, что значит озорство.

– Присядь, – наконец кивнул отец.

По его тону я уже чувствовал, что разговор выйдет тяжёлым.

– Как твои дела в лицее? – не отрываясь от очередного документа, спросил он.

Прекрасно – разве по моему табелю, который ты сейчас рассматриваешь, не видно? Я молчал. Не знал, что ответить на, казалось бы, такой простой вопрос. Он получал лист с моими оценками в конце каждой недели. Преподаватели докладывали ему обо всех моих успехах и неудачах раньше, чем я возвращался домой. Иногда мне казалось, что я поступил в этот лицей, потому что у отца там повсюду глаза и уши.

Об этом я много думал в первые годы учёбы. Всё время хотелось выкинуть что-нибудь шокирующее – не прямо чтобы довести отца до инфаркта, но чтобы показать: я могу выйти из-под его контроля. В голове крутились тысячи проделок, хотелось доказать хотя бы себе, что я могу пойти наперекор воле отца, послушаться брата, открыто высказать своё мнение преподавателям, вступить в полемику с одноклассниками – много чего могу. Ведь я был в том возрасте, когда казалось, что море по колено. Однако все мои гениальные планы лопались, как воздушный шарик.

– В следующем году ты поступаешь в академию, готовься усерднее.

Я кивнул. Пока мои опасения не подтверждались. Разговор начинался легко, по крайней мере, сейчас отец выдавал прописные истины. Он отложил табель и посмотрел на меня. К этому оценивающему взгляду я привык. Меня бы больше выбило из колеи, возьми он меня за руку и произнеси что-то трогательное, ну, знаете, в стиле: «Сынок, видел твои оценки, ай да молодец, весь в меня», – вытирая при этом скупую слезу. Я бы рухнул в обморок.

Я сидел, как меня учили: осанка прямая, взгляд открытый. Спокойствие, сосредоточенность, ровный голос, еле заметная улыбка, руки раскрыты – не зажимайся, Готье.

– Ты помнишь про наставников? Тебе нужно будет выбрать наставника из старшекурсников.

Да, наставники. Как я мог забыть, мне ведь напоминали об этом... хм, как минимум двадцать раз в неделю. Постоянно вылетает из головы!

В следующем году, на первом курсе Академии Святых и Великих, ко мне приставят наставника, который будет отвечать за меня. *«Симбиоз юных и зрелых умов. Опыт против неискренности»*. Так написано в буклете, но на деле всё прозаично до слёз. Старшекурсник поможет мне с адаптацией, поделится советами по поводу учёбы. Я успешно сдам теорию с практикой, а старшекурсник получит баллы за мои старания. И мы с ним, залиvisto смеясь и держась за ручки, побежим по зелёному лугу, и радуга будет переливаться над нашими головами.

Меня передёрнуло.

– Не хочешь наставника? – усмехнулся отец. – Ты можешь попросить Оскара.

Оскар Вотермил, однокурсник Гедсона и старший сын папиного лучшего друга. Мистер Вотермил владеет сетью фабрик по производству элитного алкоголя. Король крепких напитков. Мистер десятибалльное похмелье. В детстве Оскар с Гедсоном дружили, но потом из-за чего-то поссорились. Теперь, если Оскар приходит к нам на очередной официальный банкет, Гедсон неизменно обращается с ним как с заклятым врагом, разговаривает сквозь зубы. Клянусь, мне вечно кажется, что вот-вот произойдёт очередное извержение вулкана по имени Гедсон Хитклиф, и среди первых погибших непременно будет Оскар. Так что уверен: он станет моим наставником, только если я окончательно рехнусь и захочу сжечь все хрупкие мосты братских чувств. День, когда мы с Оскаром будем заливисто смеяться и бегать по лугу под ручку, станет последним в наших жизнях. Не удивлюсь, если Гедсон пристрелит нас обоих. Двух зайцев разом. Вот удача, да?

– Я подумаю над этим, – выдавил я, понимая, что нужно хоть что-то ответить.

Отец взялся за новую стопку документов и продолжил:

– Или ты можешь попросить брата стать твоим наставником, он как раз будет на последнем курсе. Это оптимальный вариант для вас обоих. Гедсону тоже нужно выбрать первокурсника.

Проще сразу броситься под горячую руку Гедсона, когда он не в духе, чем весь следующий учебный год жить на пороховой бочке. Взорвётся сейчас или через секунду? Успею ли я выпить стакан сока или он запустит в меня своей чашкой раньше? Не помню, когда в последний раз мы с ним полноценно разговаривали. Я мог бы драматично заметить, что забыл, как звучит его голос, но по утрам слышу это сдержанное: «Доброе утро, отец. Вы видели сегодняшние финансовые сводки?» Он учтиво обращается к другим в доме: «Габриэлла, будь так любезна, допей сок», «Сильвия, не приготовите ли вы нам на ужин своё коронное блюдо? Да, то самое, запечённого гуся». При этом он избегает меня, будто любое взаимодействие между нами может привести к ужасающим последствиям.

– Я подумаю.

– Хорошо, – кивнул отец. – Ступай.

Это всё? Неужели он отпустит меня так просто? Наверное, на моём лице отразился весь спектр положительных эмоций, а это редкость. Я так подскочил, что сам себя одёрнул.

На выходе из кабинета отец всё же окликнул меня ещё раз. Прикусив язык, я изобразил ангельское смирение и повернулся к нему.

– Где ты был ночью? Сильвия говорит, что видела кого-то во дворе под твоими окнами, – строго произнёс он, не отвлекаясь от документов.

Почему трудолюбивая и зоркая Сильвия не спит по ночам? Ей вставать рано, а годы-то уже не те. И, кажется, кое-кому, кто слишком шумел, пока добирался до моих окон, стоило оторвать ноги.

– Я спал, отец. – Отчасти это была правда: я спал, пока Скэриэл не заявился среди ночи.

– К тебе по ночам ведь не навещается тот дружок-полукровка? Будь ты девушкой, я бы уже переживал, не принесёшь ли ты мне бастарда в подоле.

«Дружок» – какое противное слово. Я изобразил оскорблённую невинность. Как он мог такое обо мне подумать?! Будь я девушкой, не подпустил бы Скэриэла и на пушечный выстрел. Но тревогу отца можно понять. Скэр производил впечатление, мягко говоря, сомнительной личности. А если начистоту, то, как сказала Кэтрин, когда я случайно подслушал её разговор с Лорой: «Этот Лоу выглядит так, словно пришёл обчистить дом и насрать под дверь».

Весь разговор по душам с отцом занял от силы пять минут, и я бы даже сказал, что вышел он достаточно многословным. Бывали дни, когда за всю беседу мне удавалось под конец произнести только: «Я всё понял, могу ли я идти?» Но из этих пяти минут я усвоил многое:

отец хочет, чтобы я поскорее определился с наставником, и это могут быть только Оскар или Гедеон. Других претендентов отец не рассматривает. Он в очередной раз напомнил, что я должен больше времени посвящать учёбе, потому что поступить в Академию Святых и Великих (Скэр называл её Академией Жалких Грешников) очень сложно. В конце весны я должен сдать все экзамены на двенадцать баллов и подтвердить средний уровень тёмной материи. Это пугает меня больше всего. Я едва ли владею ею на достаточном уровне. И последнее – отец недоволен моей дружбой со Скэриэлом Лоу. И тем более его ночными визитами, что совсем неудивительно.

Я спустился в гостиную и забрал оставленную на журнальном столике книгу. Больше всего на свете хотелось швырнуть её в камин, но сжигать что ни попадя – прерогатива брата. Сколько стоящих вещей погибло в огне, попав под горячую руку Гедеона. Я не питаю нежных чувств к побрякушкам и безделушкам, но, выкинь он мои любимые книги или игры, я бы очень расстроился. А Гедеон с такой злостью расшвыривает фарфоровые статуэтки, расписные вазы, картины известных и не очень художников, диванные подушки – я уже не говорю о таких мелочах, как книги, которые ему подвернулись в гневе, – что становится просто жаль все эти вещи. И точно я не могу простить ему уничтожение ваз или картин, связанных с мамой, – такое тоже бывало.

Нахмурившись, я посмотрел на книгу, в которой не осилил и двухсот страниц: текст представлял собой нудное, излишне детальное перечисление всех исторических событий начиная с шестнадцатого века. Прочитать книгу и написать эссе было домашним заданием по Истории тёмных сил. Если бы я не боялся плохой оценки – или, скорее, реакции отца на плохую оценку, – моё эссе могло бы выглядеть так: «Я героически прочёл первые двести страниц, а из оставшихся трёхсот сложил оригами. Представляю вашему вниманию моих бумажных собачек и лягушек». Но это больше в духе Скэриэла.

Мне нужно было подняться к себе в комнату и сесть за уроки, но я оттягивал этот момент как мог. Резко захотелось перекусить. Или переодеться. А может, сходить в душ. Или покормить рыбок Гедеона. Они давно живут у брата, и у меня в голове не укладывается, как за всё время аквариум ещё ни разу не был перевёрнут. Даже если рыбки умирали, то естественной смертью, а не оттого, что Гедеон, например, великодушно угостил их пудом соли.

Нет, рыбки – это уже на крайний случай. Я мог бы покормить их перед экзаменами. И тогда готовиться к концу учебного года пришлось бы в отделении реанимации и интенсивной терапии. Возможно, лицей сделал бы мне поблажку, так как писать тесты со сломанным позвоночником непросто, скажу я вам. Не то чтобы у меня был подобный опыт, но это точно вошло бы в перечень уважительных причин.

Я остановился на перекусе. Фанни на кухне собиралась приняться за ужин; она с радостью согласилась приготовить сэндвич, когда я сказал, что проголодался. Если честно, я планировал приготовить сам, но мне попросту не дали это сделать. Трапеза заняла не больше десяти минут.

– Господин Готье, что это вы удумали? – Она без церемоний отобрала тарелку. – Идите, я сама помою.

Так зарубили на корню мой благородный порыв помочь прислуге и оттянуть время. Поднимался к себе я как на эшафот, плёлся по ступенькам с лицом мученика, осознавшего, что впереди его ждёт неизбежный ужас в виде домашнего задания. Я отучился в выпускном классе лицея только две недели, но этот год уже можно назвать самым тяжёлым в моей жизни.

– Господи. – Я вошёл в комнату и вздрогнул.

Развалившись на кровати, Скэр читал мой ежедневник. Я мысленно похвалил себя за то, что ничего важного там не писал.

– Можно просто Скэриэл, – хмыкнул он. – У тебя на редкость скучный дневник.

Он лениво отбросил блокнот и посмотрел на меня взглядом «вы не оправдали моих ожиданий, мистер Хитклиф».

– Иди в жопу, – бросил я, усаживаясь рядом. Пришлось столкнуть его ноги; конечно же, он не снял кеды. – Это не личный дневник.

– Да я уже понял. Ожидал увидеть тут исписанные моим именем страницы, но здесь только расписание уроков и походов к стоматологу. Кто ведёт запись приёмов к стоматологу, Готи? Чокнутая старушка, которая боится потерять последние зубы?

Я скинул его с кровати и показал средний палец. Растянувшись во весь рост – а он был выше меня на полголовы, – Скэриэл удобно улёгся на полу. Я отложил ежедневник на прикроватный столик.

Я изредка вёл этот дневник только потому, что его подарил мне отец на пятнадцатилетие. Хотя кто в здравом уме дарит такое подростку? С другой стороны... по телевизору как-то советовали завести дневник, если вам хочется высказаться, но некому. Например, я мог расписать там свои отношения с отцом, с братом, написать про маму, но в этом не было абсолютно никакого смысла. Я не хотел, чтобы настоящий, *личный* дневник, который мог стать бомбой замедленного действия, попал в руки кого-нибудь из семьи. Проще держать всё в голове. Так безопаснее.

– Тяжёлый день? – Иногда Скэриэл вёл себя как мой психолог. Он подложил руку под голову и взглянул на меня.

– Благодаря тебе.

– Да ну? – голос его звучал довольно. – Я пришёл полчаса назад и что-то уже успел натворить?

– Сильвия видела тебя ночью. Мне досталось от отца.

– Эта старая корова сдала меня. – Скэр попытался изобразить недовольство, но вышло очень наигранно. – Что сказал отец?

– Что мне не светит наследство, если я залечу до свадьбы, – расстроено и тихо выдал я.

– Не волнуйся, я обязательно женюсь на тебе, – ответил Скэриэл в том же тоне.

Мы уставились друг на друга и рассмеялись. Я кинул в него подушкой, и, конечно, он увернулся. В следующую секунду он набросился на меня с той же подушкой и начал душить, при этом смеясь как полоумный.

Мне чертовски не хватало подобных шуток. Как же я устал вечно сдерживать себя, следить за поведением, чтобы не ударить в грязь лицом. Я ведь постоянно на виду у прислуги, одноклассников, преподавателей. Но самое сложное – быть на виду у отца и брата. Они оба возлагают на меня большие надежды. Отец твердит: ты должен быть лучше всех в лицее, должен успешно сдать экзамены, должен поступить в Академию Жалких Грешников – «Боже, Скэриэл!» – ты должен получить высокий уровень тёмной материи, должен то, должен сё. Брат говорит подобное редко, но своим поведением даёт понять: я не должен очернить его репутацию. Гедеон – первый на четвёртом курсе Академии, превосходно владеет тёмной материей и метит в политики. Хочет попасть в Совет старейшин, в круг «действительно достойных и великих». У Скэриэла на этот счёт другое мнение, он называет членов Совета кучкой надменных стариканов, которые возомнили себя пупом земли и не видели жизни дальше своих хором.

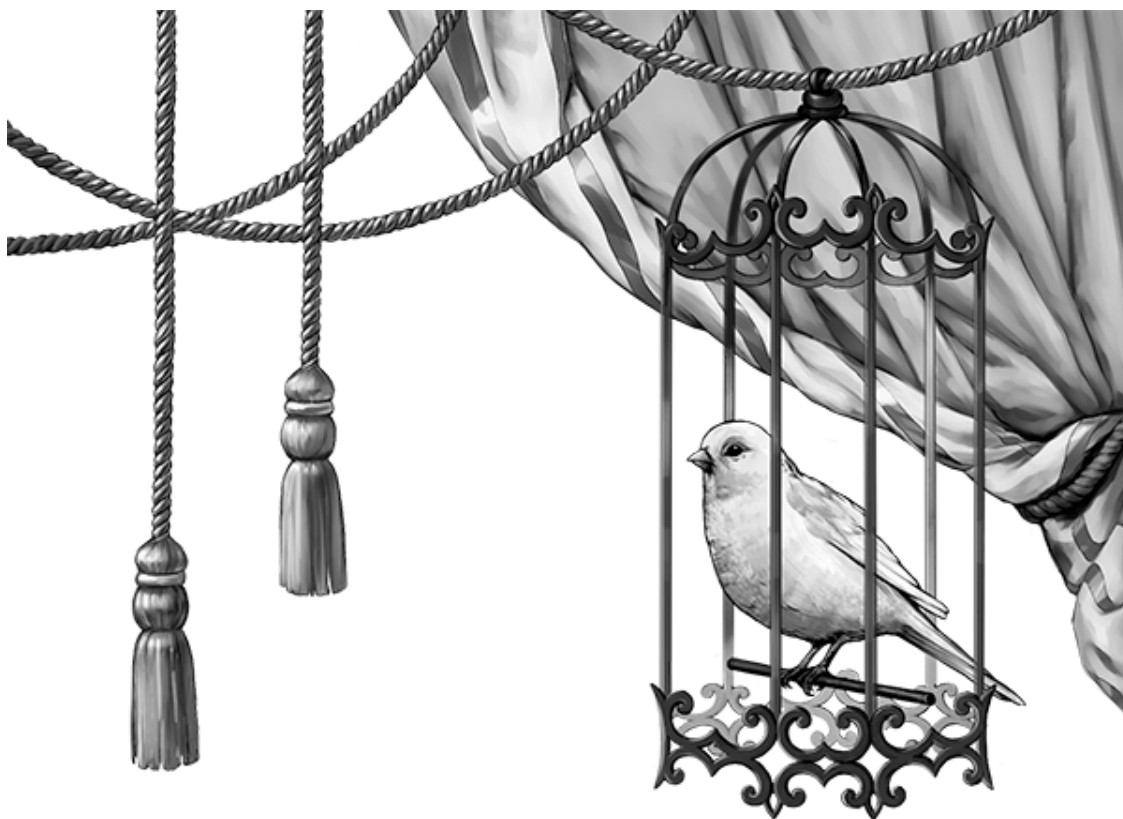
За шестнадцать лет я ни разу не дал близким повода усомниться во мне. Не доставлял проблем семье и послушно делал всё, что от меня требовалось. Но с появлением в моей жизни Скэриэла я почувствовал, как скорлупа, которая сдерживала меня все эти годы, треснула. По отцу видно, что он недоволен этим. Он с самого начала воспринимал нашу дружбу как проблему, побочный эффект подросткового возраста; надеялся, что скоро я переболею этим, будто отвратительным вирусом.

Но он ошибается. Со Скэром мне хотя бы не нужно что-то из себя изображать. Он вырос за пределами города, там, где живут только полукровки и низшие, но он общается со мной

на равных, не лебезит, не пытается угодить. И он ничего от меня не требует и не ждёт. Он принимает меня таким, какой я есть.

И я этому рад.

2

Вскоре после нашего «душевного разговора» отец улетел во Францию на конференцию – что-то связанное с глобализацией экономики. Это бывает часто, так что я привык. Скэриэл тоже пропал. Он вообще часто пропадает неделями: уезжает сдавать контрольные и проверочные в школе. Я не знаю, что представляет из себя его домашнее обучение, поэтому не особенно выпрашиваю подробности.

Когда Скэр не заявляется ко мне без приглашения днём или ночью – я и сам долгое время привыкал к его внезапным визитам, – я тоже усиленно учусь. На книги, эссе, тесты по языкам, тренировки по управлению тёмной материей и проекты по истории уходит всё моё время. В такие дни я забываю обо всём прочем. Если бы не Сильвия, вовремя напоминающая о завтраке или ужине, я мог бы сутками сидеть голодным в своей комнате, ни с кем не общаясь.

Гедеон тоже всегда занят с утра и до вечера – чёрт знает чем, но точно чем-то очень важным, раз встаёт рано, а возвращается, когда я вижу десятый сон. Иногда мне кажется, что он просто не хочет сидеть со мной за одним столом. Так что большую часть времени в доме остаётся лишь прислуга и мы с Габриэллой, увлечённой репетициями.

Любовь к балету у неё от мамы. Та лично сопровождала Габи в балетную школу и после занятий мило беседовала с учителями. Мама не пропускала выступления, даже если Габриэлла выходила на сцену на пару минут – станцевать десятого лебедя в пятом ряду с краю. Я видел только пять выступлений сестры; иногда болел, иногда был по уши в заданиях, но чаще просто находил поводы избежать похода в балетную школу. Я не разделял маминого восторга от выступлений Габи. Для меня это было очень скучное, в лучшем случае получасовое, в худшем – двухчасовое мельтешение маленьких девочек в воздушных платьицах. Я засыпал в первые десять минут и постоянно боялся, что упаду в проход. Мама тактично будила меня в кульминационные моменты: например, когда я почти сползал с неудобного сиденья, когда начинал

говорить во сне или когда на сцене появлялась сестра. Если удача была не на моей стороне, рядом присаживался Гедеон, и тогда вместо мягкого прикосновения мамы я получал болезненный толчок локтем в бок и презрительный взгляд вдогонку.

Иногда мама устраивала вечеринки для родителей и девочек из балетной школы, чтобы Габи могла поддерживать дружеские отношения с остальными ученицами.

– Грэйс, какой чудесный вечер, – ворковали другие мамочки.

Они обменивались приветствиями, обсуждали успехи дочерей и восторгались платьями друг друга, как будто прибыли из каменного века и в жизни не видели женской одежды. Пили шампанское из высоких бокалов и громко смеялись. Дом пестрел воздушными шарами, на столе красовались маленькие пирожные, разнообразные канапе и коктейли, от которых меня воротило. Стоило маме заговорить об очередной такой вечеринке после выступления, я лихо-радочно – и успешно! – подбирал вескую причину улизнуть с этого праздника жизни.

Отец очень любил маму и назвал нас всех в её честь: Гедеон, Готье, Габриэлла. Если бы я не видел проявлений этой любви, не поверил бы ни за что. Но он всегда называл её «дорогая» или «милая»; возвращаясь домой, целовал её в щёку, а уходя рано утром, просил Сильвию не открывать шторы в их комнате, чтобы Грэйс и дальше сладко спала. Отец не выносил, когда мама допоздна ждала его с работы, если он задерживался; жутко злился, когда она встречала его в аэропорту или на вокзале после командировки. «Грэйс, ты с ума сошла! Зачем приехала? Здесь так шумно! Лучше бы дома осталась». Он присылал пышные букеты на каждый праздник, даже если этот праздник никак не касался мамы. И он поддерживал все её затеи, вплоть до самых безумных, как, например, эти балетные вакханалии.

Да, отец почти не проявлял тёплых чувств ко мне или Гедеону, зато маме и Габриэлле любви доставалось с лихвой. Он не стеснялся обнимать Габи, целовать её в лоб и внимательно слушать её лепет. Мы с Гедеоном, заставляя эти телячьи нежности, обычно изображали глухих и слепых, как будто перед нами не происходит что-то из разряда «необъяснимо, но факт». Если сюсюканье отца с Габи выходило из-под контроля (однажды они совсем забыли о нас – отец поднял сестру на руки, и они принялись танцевать под мелодию, которую он фальшиво напевал), Гедеон смущённо кашлял в кулак, как бы давая понять, что хочет исчезнуть. В такие минуты я понимал, что чувствует брат, и в глубине сердца теплилась надежда, что не такие уж мы и разные.

Мама.

Она заболела и умерла, когда Габи было шесть лет, а мне – четырнадцать. За год наша весёлая, энергичная мама угасла, ослабла и замкнулась. Когда врачи сообщили, что ей осталось жить от силы неделю, отец начал проводить в её спальне всё свободное время. Габриэлла постоянно плакала. Она могла проснуться среди ночи и побежать в комнату родителей, чтобы проверить, дышит ли мама. Гедеон тогда учился на втором курсе. До сих пор не могу понять, как он успевал горевать по маме, успокаивать отца и сестру и при этом оставаться первым по успеваемости. Иногда мне казалось, что нет силы, способной остановить его стремление попасть в Совет старейшин. Я же просто не мог поверить в происходящее. В тот год я застрял на стадии отрицания, Гедеон, кажется, не сдвинулся со стадии злости, а отец, как всегда, предпочёл торги. Он надеялся, что откупится от беды – искал лучших врачей, тратил все деньги на новейшие лекарства и медицинские технологии. Отец привык решать деньгами все проблемы, но в этот раз не смог.

В день похорон шёл проливной дождь, с севера дул порывистый ветер, словно сама природа не могла принять смерть Грэйс Хитклиф. Я сломал два зонта, промок до нитки и затем полмесяца пролежал с температурой. Я ничего не помню, кроме долгой панихиды и ужасной погоды, – будто подсознание пыталось защитить меня и стёрло всё плохое. Я не помню, что говорили священник, гости, отец или Гедеон. Пришёл в себя, только когда выздоровел и понял, что спальня мамы пуста. Её больше не было. Отец оставил всё в комнате нетронутым, но

какое теперь это имело значение? Мама наполняла наш дом уютом. На смену уюту пришла тоска.

Я до сих пор жалею о каждой упущенной возможности провести с ней время. Она просила вернуться пораньше из лица и помочь, но я не хотел и врал, что буду занят (таких случаев могло набраться с десятков). Конечно, ей помогала прислуга, но теперь я понимаю, что мама просто хотела побыть со мной. Она просила прийти на очередное выступление Габриэллы, а я говорил, что у меня полно уроков. Она подарила на Рождество нелепый длинный шарф, который я мигом засунул в самую бездну шкафа. Я никогда не носил этот подарок, и однажды мама сказала под конец зимы: «Милый, если тебе не понравился шарф, ты так и скажи, я не обижусь». До чего же это было гадко с моей стороны. Я мог хоть раз надеть этот шарф при ней! Голова бы не отвалилась, а маме было бы приятно. Но теперь это всё в прошлом. Всё так и останется на моей совести.

Мамы нет с нами уже два года, и мы вернулись к обычной жизни: Габриэлла больше не психует из-за балета, хотя от горя вовсе хотела бросить его. Отец не закрывает на ключ мамину спальню, а Геден забрал её рыбок к себе в комнату. Больше нет балетных вечеринок, праздничных букетов по утрам и нелепых подарков на Рождество.

Когда тоска по маме достигла апогея, в наш район переехал Скэриэл Лоу.

Это случилось через полгода после её смерти. По всем новостным каналам, на первых страницах ежедневных газет и по радио тогда заговорили о группировке «падальщиков» или «крыс» – так их окрестили журналисты. Группировка, состоявшая из низших «носителей смерти», якобы совершала в Октавии громкие заказные убийства. В репортажах говорили: носители, или переносчики, смерти имеют мощный иммунитет против многих заболеваний и вдобавок сами могут переносить вирусную пыль, заражая других. По словам журналистов, на чёрном рынке это самый дорогой вид убийств. Ведь отличить заказной вирус от обычного очень сложно, следовательно, доказать чью-то вину практически нереально – как такое убийство раскроешь?

Я не слишком во всё это верил. Когда однажды за ужином я спросил отца о группировке, тот окинул меня хмурым взглядом и посоветовал не забивать себе голову сомнительной информацией. С другой стороны... в Октавии много опасных болезней, которыми чаще всего заражаются низшие (в основном в Запретных землях), реже – полукровки. До чистокровных болезни доходят через контакты с заражёнными. Обычно чистокровные семьи живут в центре городов. Мы платим высокие налоги, чтобы полиция усиленно следила за безопасностью. Низших, которым удаётся пробраться в наши районы, быстро отлавливают и доставляют в полицейские участки, где тем приходится сидеть не одни сутки за нелегальное нахождение на чужой территории. А получить разрешение на проход в центр – для них тот ещё квест: нужно обращаться в Отдел Миграции Полукровок и Низших. Я был уверен, что Центральный район в Ромусе, столице Октавии, защищён, но Скэриэл показал, как легко полукровки и низшие обходят подобные ограничения, если это им нужно.

Полиция долгое время не могла выйти на след падальщиков, а репортёры с удовольствием разводили вокруг носителей смерти шумиху. Газеты и журналы пестрели самыми абсурдными заголовками.

«Падальщики работают на чистокровные семьи».

«Переносчики смерти – новый способ избавиться от конкурентов!»

«Главный прокурор Ромуса уверяет, что опасность падальщиков преувеличена».

Но ведь моя мама тоже умерла от болезни. Поэтому вскоре журналисты стали писать о том, что Грэйс Хитклиф, жену крупного финансиста и влиятельного политика, могли убить *крысы*. Фотографии нашей семьи не сходили с первых полос. Перед домом сутки напролёт кто-нибудь дежурил в надежде урвать фотографию расстроенного отца или плачущей Габи. В основном преследовали отца и Гедена, так как они чаще выходили на улицу. Отец наказал

Кевину никуда меня не отпускать и всегда быть рядом (как будто я вообще куда-то мог уйти один).

Но однажды добрались и до меня.

Я отправился в Музей современного искусства: нужно было сдать эссе о его влиянии на человека. Я и так затянул с этим заданием, потому что никак не мог взяться за учёбу после похорон. Лицей неожиданно пошёл мне навстречу и разрешил сдавать домашние работы позже. Кевин не стал со мной заходить: «Простите, господин Готье, но от всего этого современного искусства меня тошнит, можно я вас подожду в машине?» Конечно, я согласился: в-первых, Кевин впервые что-то у меня попросил (я отмечу этот день в календаре), во-вторых, я хотел не спеша в одиночестве пройтись по галерее.

Я вышел из музея затемно, один. Это стало моей ошибкой, нужно было попросить Кевина зайти за мной. Уже на крыльце на меня налетел невысокий, худой незнакомец. Возможно, он ждал меня с самого начала, просто не мог подойти раньше из-за водителя.

Очередной журналист. Один из тех, кто поджидал отца или Гедона у нашего дома.

Он защёлкал фотоаппаратом, и меня ослепили вспышки. Встав на пути, мужчина торопливо заговорил:

– Мистер Хитклиф, как вы думаете, вашу маму могли заразить? – Вспышки всё продолжались. – У вашего отца были с кем-нибудь ссоры? Кого вы можете подозревать?

Я прикрыл глаза рукой, как будто это могло меня уберечь (пару снимков моего удивлённого лица он всё же успел сделать), развернулся и вбежал обратно в музей. Слава богу, журналиста не пустила охрана. Он продолжал, стоя у входа, кричать мне вслед: «Мистер Хитклиф, вы слышали что-нибудь о носителях смерти?! Ваше мнение на этот счёт?!»

Ошарашенный, испуганный, я отпрянул. Это было моё первое близкое знакомство с папарацци.

Успокоился я, только миновав холл, забежав за угол и скрывшись с глаз журналиста. Выхватил телефон и на ходу написал сообщение Кевину: «Забери меня у чёрного входа». Не хватало ещё обсуждать случившееся с сотрудниками музея, обеспокоенно смотревшими мне вслед. Меньше всего хотелось вообще с кем-либо говорить. Общение с Кевином с помощью сообщений казалось подарком небес. Впервые я был рад, что мы не слишком близки и не придётся пересказывать ему все детали столкновения.

Я прошёл музейный коридор и снова завернул за угол. Администратор крикнул вслед: «Мистер Хитклиф, постойте!» – и я вдруг пулей ринулся к чёрному входу. Он располагался с другой стороны здания, и я надеялся, что Кевин знает об этом. Мне не улыбалось ещё раз столкнуться с папарацци и тем более выслушивать его гнусные вопросы. Я и так словно обезумел.

«Мама заболела и умерла. Её никто не заразил», – повторял я про себя, как молитву.

На бегу я чуть было не врезался в железную дверь, в последний момент опомнился и остановился, пытаясь отдышаться. Казалось, за мной гонятся, но это был только стук моего испуганного сердца. Я дышал так, словно у меня чёртова бронхиальная астма и сейчас я отброшу коньки.

Толкнув дверь (на случай чрезвычайных ситуаций они открывались только изнутри), я очутился на улице. Было темно и тихо. Справа находились мусорные контейнеры, слева – пустая дорога, ведущая к проезжей части. Там, где-то вдалеке, люди шли с работы, стояла наша машина и поджидал тот самый журналист. Я замер в дверном проёме, сомневаясь, выйти или нет. Если закрою дверь – потеряю возможность вернуться в безопасный музей. Будет только один выход – к главной дороге.

Я получил сообщение от Кевина: «Подъезжаю» – и медленно пошёл вперёд. Интуиция меня не подвела: я знал, что журналисты не сдадутся так просто. Сзади послышался шум, за мусорными контейнерами кто-то скрывался. И он уже спешил ко мне.

– Мистер Хитклиф, меня зовут Фрэдди, я из «Дэйли ньюс Ромус», хочу задать вам несколько вопросов.

Я опомниться не успел, как он крепко схватил меня за руку. Я закричал и, кажется, стал биться в истерике. Сейчас понимаю, что выглядел, мягко говоря, так, будто у меня припадок. Кажется, крики напугали даже журналиста. Он отпустил меня, но продолжал что-то говорить и вытащил из кармана куртки диктофон.

– Мистер Хитклиф, я...

– А-А-а!

Я правда орал так, словно надеялся, что все сбегутся и спасут меня. Может, кто-нибудь сообразит вызвать полицию. Но произошло другое: внезапно в мужчину кто-то врезался на велосипеде и сбил его на полуслове.

Я ошарашенно заткнулся. Журналист с грохотом рухнул на асфальт; диктофон выпал из его рук. Парень, примерно мой ровесник, затормозил, спрыгнул с велосипеда и со всей силы пнул диктофон в стену. Снова раздался грохот и звон.

– Сукин сын! – рывкнул Фрэдди и подполз к остаткам диктофона. Возможно, это была и правда ценная для него вещь, раз он принялся осторожно собирать обломки.

Парень с велосипедом выглядел виноватым.

– Простите, мистер. Я вас не заметил. Пришлите мне счёт, я возмещу ущерб.

Я даже на секунду поверил ему, но тут он повернулся ко мне:

– Чего встал? Бежим.

Он подтолкнул меня в сторону дороги, и мы понеслись вперёд. Когда мы выбежали из переулка, Кевин на машине резко затормозил прямо перед нами. Я, наверное, никогда не был так ему рад. Он посмотрел на уже успевшего подняться на ноги журналиста, затем на нас и велел:

– Залезайте, живо.

– Мой велосипед... – растерялся парень.

Теперь – по чёрным отросшим волосам – я видел, что это полукровка.

– Я попрошу охранника музея подержать его у себя, – перебил его Кевин.

Я первым ринулся в тёплый салон автомобиля. Оглянувшись, заметил, как мой спаситель мнётся и нерешительно смотрит то на свой велосипед, то на меня.

– Вы же не повезёте меня в полицию? – с подозрением уточнил парень.

– Что? – удивился Кевин. – Нет! Я отвезу тебя к нам. Ты спас господина Готье. Ты заслужил по меньшей мере ужин.

Парень ещё раз взглянул на меня, как бы оценивая, можно ли нам доверять. Честно говоря, у меня были нехорошие мыслишки бросить его тут, так и подмывало попросить Кевина захлопнуть дверь. Фрэдди тем временем громко ругался и пытался починить диктофон. Наверное, вот-вот кинется на нас. И я решился:

– Сядь, пожалуйста.

Голос предательски дрогнул. Я тут же залился краской и отвернулся. Хотелось верить, что я не выглядел уж слишком жалким.

«Да что ты, Готи! – позже поддразнивал меня Скэр. – Ты был как побитый щенок, которого оставили под дождём на улице. Моё сердце не могло устоять. Я же не железный!»

«Заткнись, – ворчал я. – Просто замолчи».

В машине я немного успокоился. От радости, что мы покинули этот злосчастный музей, до меня не сразу дошло: мы везём кого-то к себе домой. Нет, не кого-то. Полукровку. Впервые полукровка сидел со мной на заднем сиденье машины.

Наконец я осознал это и, не поворачиваясь, тихо произнёс:

– Меня зовут Готье Хитклиф, я чистокровный.

– Скэриэл Лоу. Полукровка. – Он улыбнулся (я увидел боковым зрением) и обратился к Кевину: – А мы точно не в полицию? Я только переехал, и мне неприятности не нужны.

В этот вечер дома почти никого не было – и появление необычного гостя обошлось без скандала. Я ужинал со Скэриэлом в большой столовой, и это оказался самый неловкий наш вечер. Мы не знали, о чём говорить, каждый уткнулся в свою тарелку, слышалось только тихое позвякивание столовых приборов.

«Конечно, было неловко. Думал, что наложу кирпичей. Я впервые оказался в доме чистокровных и тем более ел с чистокровкой за одним столом!»

«Чистокровка».

Никто прежде меня так не называл.

Я попросил Кевина ничего не рассказывать отцу. Мне вообще не хотелось вспоминать этот инцидент. Тот охотно согласился. Ему тоже не нужны были проблемы, ведь из-за этого он мог лишиться работы.

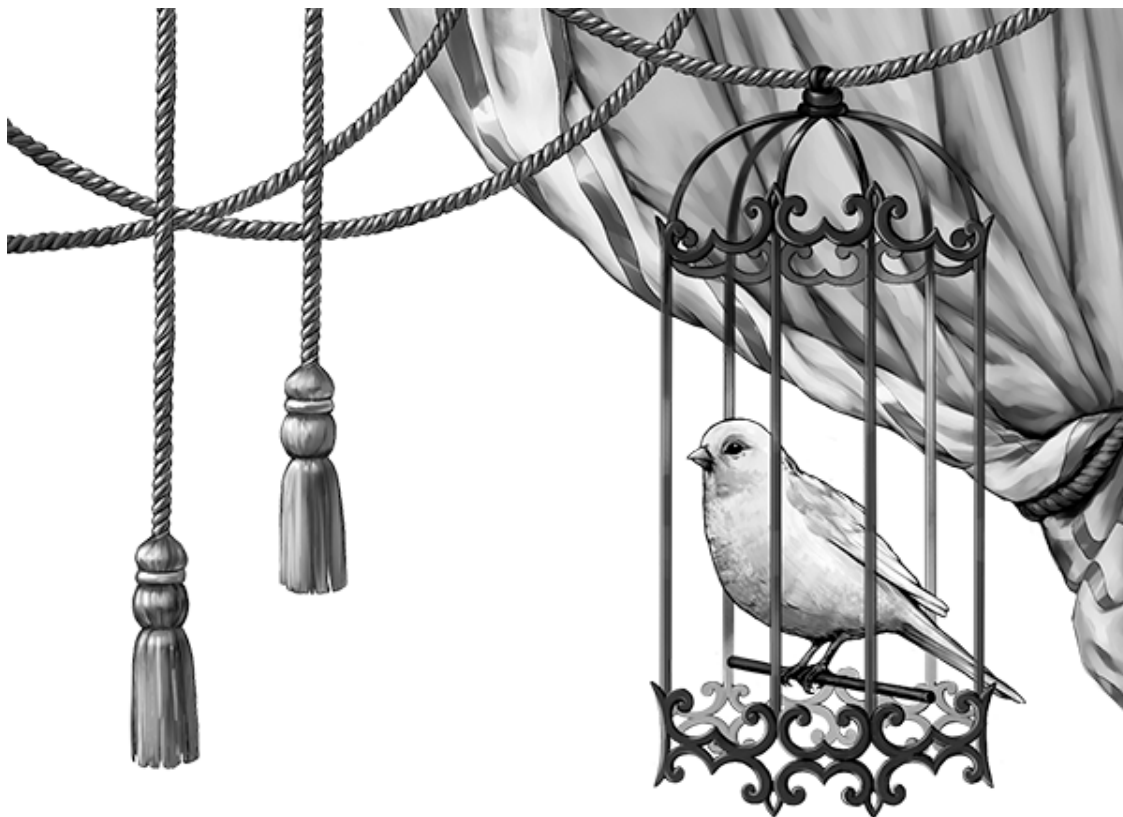
С того дня мы сдружились – в основном благодаря общительности Скэриэла. Он не боялся завалиться в мою комнату через окно, стоило отцу и брату уйти из дома. Первое время я опасался его, не знал, о чём с ним разговаривать, но вскоре оказалось, что нам здорово вместе, неважно, общаемся мы или молчим. Впервые я понял, что такое радость оттого, что кто-то жаждет со мной встретиться и просто поболтать.

Когда о моём новом друге узнали домочадцы, пришлось сказать, что я познакомился с ним в библиотеке, когда готовился к защите проекта. Скэриэлу эта легенда пришлась по душе: «Ага, с моим внешним видом я мог в библиотеке только дурь толкать» и «Ну, не знаю, Готи, твои родные поверят в эту брехню, только если они совсем отбитые».

К счастью или нет, мои родные вполне адекватные. Услышав нашу со Скэром «легенду», Габриэлла громко рассмеялась, словно я выдал остроумную шутку. Отец выглядел недовольным, когда услышал, что Лоу – полукровка. И, говоря «недовольный», я имею в виду, что он мог в ту же минуту вызвать всю его семейку на допрос с пристрастием. А Гедеон впервые пристально посмотрел на меня. «Да ты рехнулся?» – крупными буквами читалось на его лице.

Скажу только, что я бы не удивился, узнав, что в тот день отец достал своё завещание из сейфа и переписал всё моё наследство на Гедеона и Габриэллу.

3

В последние дни из-за учёбы у меня не оставалось времени на полноценный сон. Вот и сегодня, вернувшись вечером из лицея, я был совершенно вымотан. Меня хватило только на то, чтобы сходить в душ и сразу завалиться спать.

Я даже не услышал, как к дому подъехала машина, хотя мои окна выходят во двор и обычно я узнаю о возвращении отца, брата или сестры до того, как они входят в гостиную. Поэтому, когда в дверь постучала Лора и сказала, что внизу меня ждёт мистер Вотермил, спросонья я даже не сообразил, о чём она. С чего мистеру Вотермилу приезжать, когда отца нет? Я перевернулся на другой бок и погрузился в сон. Не знаю, сколько я так спал и спал ли вообще, прежде чем Лора снова постучала и повторила свои слова.

Поднялся я как в тумане, сонно натянул попавшиеся под руку вещи – с детства не любил пижамы, поэтому спал в нижнем белье, и поначалу Скэриэл ставил меня в неловкое положение, врываясь по ночам, – и спустился в гостиную. Каково было моё удивление, когда я увидел Оскара, приветливо нависшего надо мной. Ещё более высокий, чем Гедеон, он вдобавок напоминал огромного гризли, сумевшего натянуть на себя рубашку.

– Привет, Готье, ты спал? – Это не звучало насмешливо, скорее, он удивился, что кто-то действительно спит в семь часов вечера.

– Эм... – Я неловко почесал шею и стряхнул последние крупницы сна. – Привет. Гедеон не дома и...

– Знаю. Я пришёл к тебе, – перебил Оскар.

Я посмотрел на него – так же озадаченно, как, возможно, смотрел на меня брат, когда я впервые рассказал о Скэриэле.

Оскар рассмеялся.

– Я проголодался, проезжал мимо и решил пригласить тебя в ресторан.

Он произнёс это так просто, как будто мы часто устраивали ресторанные посиделки. Хотя мы даже наедине редко оставались. Наверное, теперь моё лицо выглядело настолько изумлённым, словно он предложил мне бросить лицей и рвануть с ним в Лас-Вегас.

– Ну... ты мне как младший брат. – Теперь неловко стало ему. От моего взгляда он растерял весь запал. – Да ладно! Будет весело.

«Ты мне как младший брат».

Если он хочет стать для меня вторым Гедеоном, то пусть сразу бросает это дело. Ещё одного старшего брата я не переживу и утоплюсь в ближайшем пруду. Возможно, в этом кроется причина, почему отец в своё время отказался от устройства домашнего пруда на заднем дворе. У этой семьи слишком много поводов захотеть посидеть на дне водоёма.

В силу воспитания мне всегда было трудно говорить «нет», особенно когда меня заставляли врасплох. Немного помолчав, я кивнул, сказал, что сейчас переоденусь, и поднялся в свою комнату. И опять началось моё любимое растягивание времени: я нехотя надевал брюки и рубашку, причёсывался и долго рассматривал себя в зеркале в надежде, что Оскар передумает и уйдёт. Но, когда я спустился, тот пил чай и флиртовал с пунцовой Лорой. Мне стало её жаль; мысленно я отругал себя за медлительность, из-за которой горничной пришлось слишком долго находиться в подобной компании. Оскар был известным дамским угодником. Что у него действительно хорошо получалось, так это охмурять девушек и выпивать.

Когда вошла Сильвия, Лора облегчённо вздохнула и торопливо покинула комнату. Было видно, что Сильвии не нравился Оскар, но она улыбалась ему, как требовали приличия. Уверен: как только за нами закроется дверь, она помчится докладывать отцу по телефону. Когда ещё к нам навещался младший Вотермил, да ещё не к Гедеоноу, а ко мне?

– Готов? – Оскар поставил чашку на журнальный столик и поднялся.

Мне хотелось выть от одной только мысли убить так вечер. Одно дело – проводить время с ним, с Гедеоном и ещё десятком приглашённых: я мог ответить на пару вопросов Оскара и с чувством выполненного долга отойти от гостей, постоять в сторонке, вернуться через полчаса для короткой светской беседы: «Готье, как вам лицей?», «Эм... Замечательное место»; «Когда мы в последний раз виделись, Готье, вы были таким малышом, а теперь выросли красавцем!», «Спасибо, тётушка, вы тоже... хм... хорошо выглядите» – и снова отойти, чтобы перевести дух. Но теперь такое не прокатит.

Оскар сам вёл машину, и я очень этому обрадовался. Ему нужно было сосредоточиться на дороге, поэтому он тоже молчал и выглядел уже не таким уверенным, как полчаса назад. Я сидел рядом, это было в новинку для меня – обычно моё место позади. Кевин никогда не предлагал сесть вперёд, да и я даже не думал о таком. Гедеонон меня никуда не возил (возможно, это и к счастью, сколько мы с ним смогли избежать потенциальных автокатастроф), да и с отцом я ездил на привычном месте.

Я практически никуда не выезжал, ничем интересным не занимался, а мои увлечения можно было пересчитать по пальцам одной руки: стараться не попадаться на глаза брату, тянуть с выполнением домашнего задания и молчать. О, в молчании я был силен. Можно сказать, что я мог получить чёрный пояс в этой дисциплине. В доме мне удавалось без стеснения общаться только с Габи. В тоскливые времена я на свой страх и риск приходил в комнату к сестре, усаживался на её кровати и выслушивал целый ворох детских проблем.

– Анна сказала, что на свой день рождения пригласит всех девочек из нашей балетной группы. Я не хочу этого. Там будет Кристин, я с ней не дружу. И она противная. Всегда показывает мне язык, когда мадам Ли не видит. – Габи переодевала своих кукол и расставляла их в только ей одной понятном порядке.

– Так покажи ей в ответ. – Я часто слушал её вполуха.

– А я показала, и меня увидела мадам Ли. – Габи подошла ближе и перешла на шёпот. – Она выгнала меня из класса и сказала, что хорошие девочки так себя не ведут. Но не я первая начала! Я чуть не расплакалась тогда.

Габи шмыгнула носом. Ещё чуть-чуть, и она действительно бы разревелась.

– И почему не расплакалась? – Я сонно зевнул и улёгся на её кровать, попутно стаскивая обувь.

– Потому что не хочу, чтобы Кристин видела, что я плачу. Я с ней не дружу. Когда её нет, Анна и Мариса со мной всё время болтают, но стоит Кристин прийти, и они сразу идут к ней. – Габи вернулась к своим куклам, словно не планировала сейчас разразиться водопадом слёз при воспоминании о том дне.

– Почему? – почти засыпал я, но всё же пытался поддержать беседу.

– Потому что она обещает им первые места на детские постановки. Её мама главная в детском театре. И знаешь, что?

– Мм?

– Ноги моей не будет в театре её мамы. И ты тоже не ходи.

– Куда? – становилось сложнее следить за нитью разговора.

– На постановки её мамы. В детский театр. Я ещё Гедеона попрошу, чтобы он не покупал у неё билеты. – Габи произнесла это с такой хитрой ухмылочкой, как будто задумала по меньшей мере повторно устроить Французскую революцию.

– А ты пообещай Анне и Марисе, ну, я даже не знаю, открыть выгодные вклады в банке отца с высокой процентной ставкой...

– Что?

Оскар тронул меня за плечо и окликнул ещё раз.

– Ты заснул? – Он рассмеялся и продолжил: – Не думал, что я такой скучный.

Мы всё ещё ехали – пересекли почти весь город и приближались к морю. Проверив часы, я понял, что отключился на добрых пятнадцать минут.

– Прости. Я просто очень устал за неделю.

– Неудивительно, я помню, как учился в лицее и практически не спал.

Я чуть не рассмеялся ему в лицо. Если Оскар и не спал во время учёбы в лицее, то только потому, что ночи напролёт ходил по вечеринкам и напивался до беспамятства. Я помню большой скандал: как в шестнадцать лет пьяный Оскар, приехав к нашему дому среди ночи (надеюсь, Скэр никогда не додумается до подобного), выкрикивал имя Гедеона. Тогда Оскар так хорошо проспиртовался, что потерял последние крупницы разума: встал не с той стороны дома и, шатаясь, десять минут вопил в мои окна о том, что Гедеон не прав и должен дать ему возможность объясниться. Узнав об этом, мистер Вотермил прислал своих людей забрать невменяемого сына и потом не раз извинялся перед моим отцом. Как-то я застал их за таким разговором.

– Уилл, я правда не знаю, что на него нашло. Никогда он так себя не вёл. Да, бывало, пил, брал бутылочку-другую из моих запасов, но подростки все такие, дай им только добраться до запретного.

– Забудь, это в прошлом. Наши сыновья помирятся и будут дружить, как раньше.

Всё вышло наоборот. Гедеон не только не простил Оскара, но и окончательно перестал с ним общаться. Каждое мероприятие, где собирались друзья нашей семьи, превращалось для Гедеона в сплошную пытку. Я отчётливо видел, как ему нелегко поддерживать беседу с Бернардом Доном, Леоном Кагером и близнецами Брум, Оливером и Оливией, когда на заднем плане маячит Оскар.

К третьему курсу Академии Оскар стал разгильдяем: учился плохо, прогуливал и пил не просыхая. Мистер Вотермил нанял целый штаб людей, которые искали и забирали Оскара с вечеринок: от масштабных и дорогих, устроенных чистокровными, до маленьких сборищ

низших в Запретных землях. В перерывах между запоями Оскар выглядел вполне приличным чистокровным: много общался на банкетах и мероприятиях, был дружелюбным. И не оставлял попыток заговорить с Гедеоном.

– Это одно из моих любимых мест, – проговорил Оскар.

К тому времени мы уже вошли в рыбный ресторан у причала. Отсюда открывался потрясающий вид. Волны мерно, почти убаюкивающе бились о берег. Закатное солнце, словно с картин импрессионистов, медленно утонуло в воде. Чайки призывно кричали вдалеке, и на какую-то секунду я позабыл о том, что приехал сюда с Оскаром. Мне вспомнилось, как мы с мамой ходили босиком по песку, оставляя позади неровную цепочку следов, а Габриэлла шла, обгоняя всех, со своим маленьким ведёрком и собирала самые красивые камушки и ракушки, которые непременно хотела забрать домой. Мы бросали остатки сэндвичей чайкам, бегали, стараясь поймать волны, брызгались и заливисто смеялись... Я крепко зажмурился, отгоняя наваждение.

Места у окон были уже заняты, и мы с Оскаром ушли далеко в зал, в такую темень, где ничего не стоило подвернуть ногу, упасть, и тебя бы не заметили. Официант спросил, нужно ли зажечь свечи. Всё это выглядело, будто Оскар собирался сделать серьёзный шаг в наших отношениях; мне захотелось сию же минуту встать и сбежать, но, слава богу, Оскар просто попросил сделать поярче свет в настенных светильниках.

Я впервые был здесь и затруднялся с выбором блюд, поэтому Оскар помог.

– Гедеон не слишком любезен с тобой, – произнёс он, когда официант, получив заказ, принёс напитки и отошёл.

Я аж поперхнулся водой. Оскар протянул салфетки. Если бы он меньше пил и больше времени уделял учёбе, возможно, он вполне мог бы стать хорошим другом. Или даже братом. Но Гедеон... Гедеон любезен со мной ровно настолько, насколько мясник любезен с телёнком, идущим на убой.

– Ну... – И всё-таки мне вдруг захотелось защитить брата, но я не знал, как это сделать. – Иногда он добр.

Например, на днях он очень разозлился, узнав от Сильвии, что Скэриэл был у меня ночью, но сдержался и даже не разнёс ни одной комнаты. Его гнев вылился в громкий хлопок дверью перед моим носом, когда, проходя мимо, я опрометчиво пожелал ему доброй ночи. Конечно, зря я это. Нужно было просто отсидеться в своей комнате.

– Готье, я бы не спрашивал, не будь мы так близки, – Оскар выглядел нервным, будто сам не верил в свои слова, – но ты уже выбрал себе наставника? Знаю, что ещё очень рано и впереди целый год до поступления...

Вот ради чего всё это представление: Оскар захотел стать моим наставником и с моей помощью заработать баллы! Я испытывал двойные чувства. С одной стороны, я догадывался, что ему что-то от меня нужно. С другой – я расстроился и не мог объяснить себе, почему, ведь для меня Оскар был просто бывшим другом Гедеона. Мне вдруг захотелось ответить как можно резче, встать и уйти.

– Я... – «скажи, что выбрал брата, скажи, что выбрал брата», – ещё не решил.

Менше всего мне хотелось терпеть общество Оскара первый год в Академии и тащить на своём горбу его оценки. Но ещё меньше хотелось соврать про Гедеона и потом ощутить на себе его гнев, когда ложь вскроется. Вру я ещё хуже, чем общаюсь с людьми.

– Подумай насчёт меня, договорились, дружище?

На этих словах нам принесли заказ – запечённое филе дорадо с молодым картофелем, которое я выбрал по настоятельной рекомендации Оскара. Оставшееся время мы наслаждались едой. Я даже не сразу понял, как был голоден. Если забыть о предложении Оскара, то остаток беседы – мы действительно поговорили, и это даже было приятно – вышел интересным. Оскар рассказывал смешные истории из детства: как он пытался обдурить гувернёра, когда не хотел

делать уроки, и симулировал боли в животе, но губернёр был не промах, имел медицинское образование и в качестве наказания использовал клизму. Я посмотрел на Оскара другими глазами. Он оказался весёлым, остроумным, хорошо ко мне относился с самого детства, и при других обстоятельствах мы могли стать друзьями. Но Гедеон этого не допустит.

Я вышел в уборную, когда Оскар оплачивал счёт – было неловко позволять ему это делать, но мне не пришло в голову захватить наличные; единственное, что я имел при себе, – мобильный телефон, который держался на добром слове с двадцатью процентами заряда. Чуть раньше я попытался заговорить о раздельном счёте, но Оскар прыснул и добродушно проговорил:

– Не обижай меня так, Готье. Я тебя пригласил, мне и платить.

«Мы с Оскаром в ресторане. Ничего не спрашивай. Расскажу при встрече», – написал я Скэриэлу. Мы много общались по телефону, но уезжая надолго, он редко отвечал и лишь потом оправдывался: «Я там сдаю контрольные, школа выносит мне мозги, времени ни на что нет».

Когда я вернулся, Оскар заканчивал телефонный разговор. Он вдруг сделался очень нервным, поднялся из-за столика. Я не спеша подошёл, и Оскар испуганно взглянул на меня. Казалось, на секунду он вообще забыл, что приехал со мной. Что ему там сообщили, раз это на него так подействовало? Может, кто-то из его близких попал в беду?

– Мне нужно кое-куда заехать, – выпалил Оскар. – Совсем вылетело из головы. – Он театрально ударил себя по лбу. – Не успею тебя подбросить домой.

Я опешил. Он что, решил бросить меня в этом ресторане? Я надеялся, что он позволит вызвать Кевина или даст деньги на такси до дома. Но у Оскара было другое предложение.

– Не хочешь заехать со мной в одно место? Мы быстро. Туда и обратно. Я не хочу, чтобы ты один поехал домой, всё же я взял тебя под свою ответственность.

«Оскар» и «ответственность» звучали вместе так же нелепо, как «Гедеон» и «дружелюбие». Я засомневался.

– Обещаю, это не займёт много времени.

Мне не понравился его напор. Оскар выглядел так, словно уже всё решил вне зависимости от моего ответа. Ничего не оставалось, кроме как кивнуть. Хотя я уже понимал, что пожалую.

– Нам нужны маски и капюшоны. – Оскар позвал официанта и что-то шепнул ему на ухо.

Официант посмотрел на меня с недоверием, Оскар ещё раз что-то сказал и протянул деньги. Когда официант нас спешно покинул, Оскар повернулся ко мне.

– В том месте, куда мы поедem, лучше спрятать наши лица. И скрыть цвет волос.

Лица и цвет волос? Я нахмурился, но Оскар безмятежно потрепал меня по макушке. Волосы всех чистокровных светлые: от русого и пшеничного оттенка до серебристо-серого. Это внешне отличает нас от полукровок и низших, волосы которых могут быть рыжими, каштановыми, чёрными. Я никогда не думал, что мои светлые волосы могут стать проблемой и мне придётся их скрывать в Октавии. До меня только дошло, что Оскар планирует отправиться в такие места, где наше появление может повлечь неприятности.

Запретные земли!

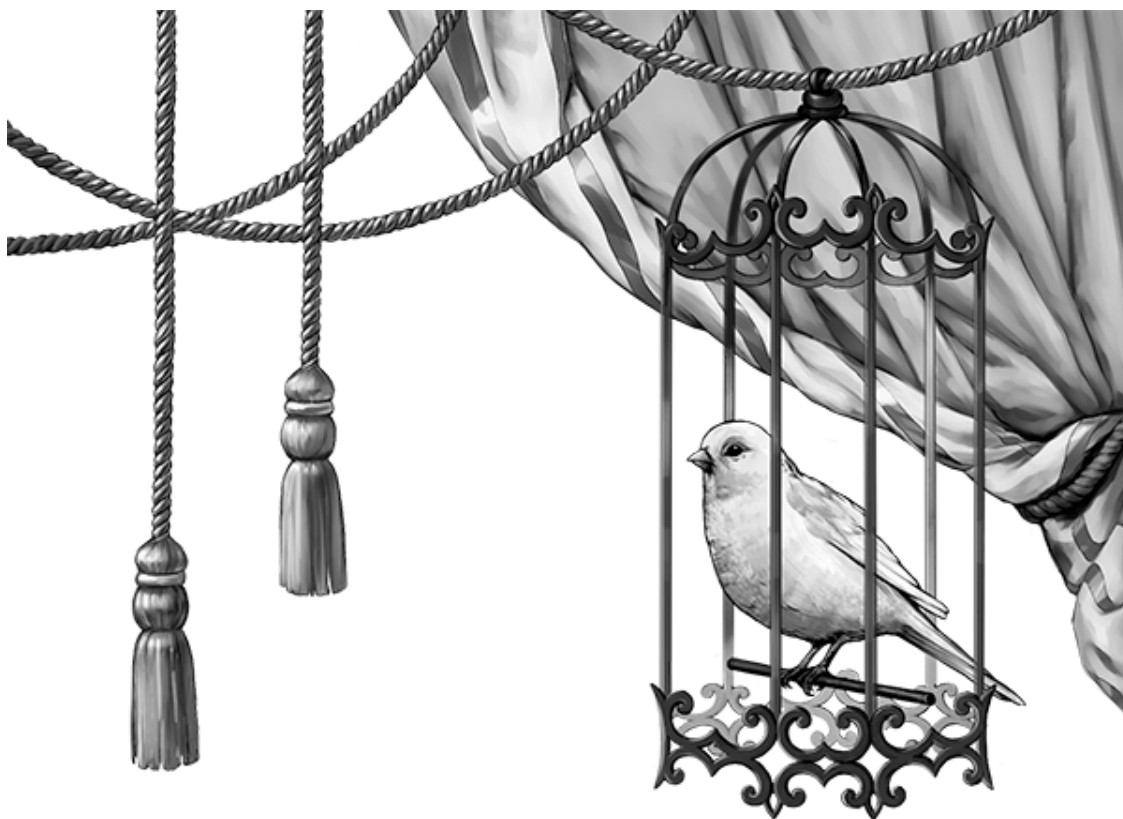
Если отец или брат узнают об этом, домой можно не возвращаться.

Как быть? Отказаться и вызвать Кевина? Не будет ли это выглядеть как побег? Я не хотел казаться испуганным ребёнком, хотя им и являлся. Пока меня терзали сомнения, официант пригласил нас в другое помещение, намного меньше зала. У меня мурашки пробежали по коже, а, увидев на диване два чёрных плаща с капюшонами и маски: одну в виде волчьей морды, вторую – в виде лисей, я испугался не на шутку. Оскар заплатил ещё раз. Наш официант аккуратно сложил плащи и маски в бумажный пакет.

Когда я очутился на улице и вдохнул свежий прибрежный воздух, мне полегчало. Происходящее вдруг показалось какой-то неудачной игрой. Я тщательно протёр глаза, надеясь, что

последние десять минут мне померещились, но, когда снова увидел плотный бумажный пакет в руках Оскара, осознал неизбежное. Оскар был серьёзен как никогда. И он собрался везти меня в Запретные земли.

4

За окном окончательно стемнело, когда мы пересекли границу Запретных земель – самого южного, самого убогого района за окраиной Ромуса. Пограничники контрольно-пропускного пункта даже не остановили нас, увидев номерные знаки автомобиля и Оскара за рулём.

Застройка здесь состояла из многочисленных низких зданий – обветшалых, на первый взгляд кажущихся заброшенными. Отсутствовала какая-либо развитая инфраструктура; дороги пестрели выбоинами. Я слышал, никто не решается что-то тут строить из-за большой вероятности, что уже за первые дни все стройматериалы разворуют.

Мы долго ехали по главной дороге мимо перекошенных домов, лачуг, узеньких улочек, захламлённых и заросших дворов, сменявшихся мрачными пятиэтажками. И вдруг стало многолюдно; пёстрая и шумная толпа заполонила всё пространство. Прохожие кричали, смеялись, толкались; пьяные сидели и лежали вдоль дорог. Тут и там я видел маски и капюшоны: похоже, чистокровных здесь оказалось больше, чем я мог себе вообразить.

Мы словно очутились в другом мире. Я прилип к окну и не мог оторвать от людей взгляда. Впервые видел столько низших и полукровок в одном месте.

К моему удивлению, многие не выглядели так, как по телевизору. Новостные передачи пугали высоким уровнем преступности за пределами Ромуса, транслировали видео, где низшие, словно зомби, бродили по улицам и нападали друг на друга. Полукровки запугивали детей: «Не будешь учиться – закончишь в Запретных землях!» Да, сам район – бедный, обшарпанный, изрисованный граффити – мало отличался от удручающей картинке из новостей, но вот его жители казались вполне обычными людьми, а некоторые – даже весёлыми и беззаботными.

– Приехали, – проговорил Оскар.

Мы провели в напряжённой тишине последние полчаса. Оскар постоянно следил за мной боковым зрением, как будто боялся, что на светофоре я выскочу из машины. Он припарковался у двухэтажного здания, пестреющего неоновыми вывесками. Оно сияло и мигало, как рождественская ёлка, и сильно выделялось среди неприметных домов. «Клуб «Глубокая яма», – прочитал я на вывеске. Впрочем, такое название меня даже не удивило. Честно говоря, я не горел желанием падать в эту яму вслед за Белым Кроликом.

К клубу стекались вереницы людей, как мотыльки на свет. Вход представлял собой полу-подвальные железные двери, охраняемые крупными крепкими полукровками. Я увидел длинную очередь и обомлел. Неужели мы с Оскаром сейчас встанем в конец этой цепочки? На одно только ожидание в ней можно потратить больше часа!

– Надень. – Он протянул мне лисью маску; она была как настоящая, просто мечта таксидермиста. – И накинь это.

Я натянул маску. В ней было сложно дышать, она сужала боковое зрение, и чувствовал я себя, как будто мы приехали грабить банк отца. Я посмотрел в зеркало заднего вида: маска полностью скрыла моё лицо, в глубине тёмных лисьих глазниц ничего не было видно. Радовало только то, что в этой дыре меня никто бы не узнал. Я пригладил волосы и накинул плащ с капюшоном. Самое то на Хеллоуин: «Сладость или гадость?» Впрочем, я никогда не выпрашивал сладости. В наших кругах это не принято. Чаще кто-нибудь устраивает большой бал-маскарад, куда все приходят в разных костюмах – и тогда детям конфет достаётся вдоволь.

Мы вышли из машины и, к моему облегчению, пошли в противоположную от очереди сторону. Оскар в маске выглядел устрашающе. Просто волк-переросток.

– Ты здесь никогда не был, верно?

– Ага.

– Обещаю, что будет весело, если ты запомнишь пару правил: ничего не брать у других, ничего не пить из чужих рук, будь то алкоголь или вода. Понятно?

– Да, – кивнул я, но Оскар на меня не смотрел. Мы обходили клуб с другой стороны. – Что мы будем здесь делать?

– Нужно кое с кем встретиться, но в этом нет ничего незаконного. – Он обернулся ко мне. – Этот человек не любит центр города. Держись рядом со мной и ни с кем не болтай.

– Знаешь, я мог бы посидеть в машине... – Я прикусил язык. Прозвучало трусливо.

– Да, мог бы, но веселее будет пойти со мной. – Оскар рассмеялся и похлопал меня по плечу. Я чуть не выплюнул лёгкие от его удара. – Просто держись рядом, и всё останется под контролем.

По голосу было понятно, что он улыбается, но за волчьей пастью ничего не разглядишь.

Мимо нас блуждали низшие: заросшие патлатые парни в лохмотьях; девушки в короткой одежде, с распущенными волосами и броским макияжем. Я удивлялся: полукровки, работающие в Ромусе, ведь выглядят совсем иначе, для удобства они заплетают косы или делают пучки. А чистокровные девушки из моего окружения вообще любят вычурные причёски, которые не поддаются законам физики. Я не имею ни малейшего представления, как они создаются. Некоторые выглядят просто, но и за этим стоит двухчасовой труд горничных. Я пару раз видел маму и Габи с распущенными волосами, но только дома, а в целом это не принято. Например, моя одноклассница Оливия Брум в обычные дни приходит в школу с простыми и аккуратными причёсками, но по праздникам её волосы украшают ленточки, цветы, заколки в виде птиц и бабочек. Это завораживает. Оливия вообще похожа на нимфу: утончённая и недоступная. Неудивительно, что в неё влюблены многие парни из лицея; не буду утаивать: я тоже. Кажется, я остановился и засмотрелся на низшую (хотя, может, и полукровку?) с длинными тёмными волосами, но Оскар остановился следом и окликнул меня. Он подошёл и торопливо проговорил:

– Не отключайся, Готье. Всегда будь начеку. И самое главное – никому не позволяй стянуть с тебя маску.

– И капюшон?

– Бог с ним, с капюшоном. Надев это, ты уже подтвердил, что не из низших, а значит, у тебя есть деньги. Здесь отдыхает много чистокровных октавианцев. Если спадёт капюшон, просто быстро поправь. Но следи за маской. Какой-нибудь пройдоха-низший или полукровка может сфотографировать твоё лицо и затем шантажировать.

Оскар давал советы, как завсегдатай этого клуба.

– Я понял.

Мы очутились у ещё одной двери. Громила-полукровка подозрительно осмотрел нас. Оскар, не пересчитывая, передал ему деньги. Громила убрал их в карман, затем Оскар протянул руку и получил яркую печать на запястье. Получив свою, я последовал за ним в глубь «Ямы». Проведя пальцами, я смазал эмблему клуба. Яркая краска осталась на руках.

– Печать легко стирается, это чтобы обезопасить нас, – пояснил Оскар.

Мои заблуждения рассеивались с космической скоростью. Я всегда считал, что клубы усиленно следят за соблюдением возрастных ограничений. По крайней мере, в центре я не смог бы попасть в элитные клубы, пока мне не исполнится девятнадцать лет. Но тут, в Запретных землях, было раздолье для малолетних правонарушителей вроде меня.

Ещё на подходе к «Яме» были слышны музыкальные биты. У клуба многие танцевали, музыка гремела так, что земля будто вибрировала в такт. Оказавшись внутри, я чуть не оглох. Лучи света, как лазерные мечи, рассекали тьму. Было душно и шумно. Оскар, шедший впереди, оглянулся и показал большой палец: «Всё в порядке». Нет, ничего не в порядке. Я чувствовал себя в этом лисьем костюме как космонавт в скафандре. Просто Нил Армстронг, ступивший на Луну. Или Готье Хитклиф, впервые очутившийся в клубе.

Когда я думал, что отстоять очередь у входа в «Яму» – то ещё испытание, я просто не видел людей, плотным кольцом окружавших бар. И, конечно, Оскар шёл прямо туда. Его ничто не остановит на пути к алкоголю. Он пробирался сквозь толпу медленно, но упорно, как ледокол.

– Привет, милый! – На моём пути выросла красивая девушка. Она была чуть выше меня. – Не хочешь повеселиться?

Она говорила громко, пытаясь перекричать шум, но остальные слова потонули в грохоте. Я сделал вид, что не расслышал её, что было почти правдой, и последовал за Оскаром. Не хотелось отстать и затеряться в толпе.

Пока мы пробирались к бару, меня успели облапать человек десять. Я чувствовал прикосновения везде, куда можно дотянуться. Отвратительно. Я отбивался, когда мог, но большую часть времени просто надеялся на то, что меня не обчистят; в кармане брюк находился телефон – единственное, чем я мог похвастаться сегодня. Полусдохший мобильный поддерживал ощущение, что есть ещё тонкая ниточка, соединяющая меня с привычным миром. Если я потеряю Оскара, нужно будет самостоятельно выбираться из «Ямы» и вызывать Кевина.

«Представляю лицо Скэриэла, когда расскажу ему, где я был сегодня вечером». – Эта мысль заставила меня ухмыльнуться. Хотя что-то я смогу поведать о своих буднях помимо скучных историй о лице.

Мне было сложно дышать, я не понимал, связано ли это с неудобной маской или с тем, что каждый второй в клубе курил. Густой сигаретный дым обволакивал, словно кокон. Такое чувство, что я мог к нему прикоснуться. От обилия дыма запершило в горле. Я попытался откашляться, но это не помогло.

Когда мы добрались до бара, всё, чего я хотел, это воды.

– Привет, Джеймс, мне сухой martini и... – Оскар повернулся ко мне, затем снова к бармену и рассмеялся, – и бутылочку воды.

Я приподнял маску и опустошил бутылку в один заход. Мне полегчало. Оскар выпил свой коктейль и вернул пустой бокал с оливками бармену.

– Повтори. – Он заказал ещё один коктейль.

Я с ужасом представил, что Оскар скоро напьётся и станет неуправляемым. Как тогда его остановить?

– Где твой друг? – Хотелось, чтобы он быстрее решил свои вопросы и мы вернулись домой. И я уже планировал вызвать такси, потому что садиться в машину с выпившим Вотермилом за рулём – всё равно что играть в русскую рулетку.

– Где-то здесь. – Оскар жестом обвёл весь клуб. – Смотри, какие девочки!

Он указал на девушек, извивавшихся в танце у шестов. Я не заметил их, когда вошёл в «Яму», но теперь понял, что большая часть посетителей окружала танцполы на возвышении. Пьяные мужчины размахивали купюрами, кто-то умудрился кинуть к ногам одной из девушек кредитную карту.

– Гedeон тебя сюда никогда не приведёт. – Оскар по-братски приобнял меня. – Наслаждайся видом. Если хочешь, могу купить тебе приватный танец.

– Нет, спасибо, – опешил я. Кажется, ситуация выходила из-под контроля.

В этот неловкий момент (неловко было только мне, Оскар последовал своему совету и наслаждался девушками) Вотермилу пришло сообщение. Он быстро прочитал, убрал телефон и повернулся ко мне.

– Посиди здесь, хорошо? Я быстро. Туда и обратно, обещаю. Пей воду или хочешь сок? – Я выбрал второе, и Оскар обратился к бармену: – Дай сок, апельсиновый подойдёт. – Он снова повернулся ко мне: – Ты ведь пьёшь апельсиновый сок?

Я кивнул. Оскар оплатил заказ и протянул мне высокий стакан с ядрёно-жёлтым содержанием.

– Помнишь главное правило? Ни у кого ничего не пей, не бери и не принимай.

Оскар поправил маску и ринулся в толпу. Через пару секунд я потерял его из виду.

– В первый раз тут? – участливо спросил бармен-полукровка. Кажется, его звали Джеймс; он искренне улыбался мне, попутно готовя коктейль.

– Ну да... – Я надеялся, что он не спросит про мой возраст.

Но Джеймс только подмигнул мне и отошёл к другому концу стойки, куда его позвал очередной посетитель. Теперь я окончательно ощутил себя не в своей тарелке. Рядом с Оскаром я не чувствовал себя так паршиво, но стоило ему уйти, как я понял, что чертовски не хочу здесь находиться.

Я отпил пару глотков сока и принялся делать единственное, что мог в этой ситуации, – наблюдать за другими. Первые десять минут я не отлипал взглядом от девушек на танцполе и даже решился попросить у Оскара приватный танец. В последующие двадцать минут я чётко осознал, что он меня бросил. Я даже не записал его номер телефона, чтобы в случае чего позвонить и напомнить о себе, – как беспечно с моей стороны!

А вообще-то следовало ещё из ресторана отправиться домой.

– Привет, красавчик, скушаем? – Та самая брюнетка, что пыталась заговорить со мной в толпе, уселась рядом.

Полукровка или низшая? В Запретных землях различить их очень сложно, другое дело – Центральный район. Туда вход низшим воспрещён.

– Да нет, я просто друга жду. – Я огляделся. Оскара нигде не было видно.

– А где твой друг?

– Скоро придёт.

– Не хочешь угостить девушку? – Она флиртowała, а я сторал от стыда. У меня ведь не было денег.

– Прости, я забыл кошелёк...

– Ничего, красавчик. Ты не местный?

– Живу в центре, – ответил я и прикусил язык. Вряд ли эту информацию следует тут сообщать.

– А, так ты, возможно, чистокровный. Могу тебя развлечь, если хочешь. – Она наклонилась ниже, и я увидел её глубокое декольте «из первых рядов», – тут есть приватные комнаты.

Когда лёгкое головокружение прошло (я ещё никогда не видел столько обнажённого женского тела, как сегодня) и я смог собраться с мыслями, то представил себе, как она расстроится, узнав, что мне всего шестнадцать. Не хотелось бы этого. Маска и капюшон скрывали внешность, а охранник и бармен не спрашивали документы. Пока я обдумывал всё это, моя собеседница успела заказать и получить коктейль, посыпанный кокосовой стружкой. Она подняла свой бокал.

– За встречу, милый.

Я поднял свой стакан с соком. Мы выпили.

– Можно нескромный вопрос?

– Конечно.

– А ты полукровка или?.. – Я не решился продолжить, чем очень её позабавил.

– Или? – Билли рассмеялась. – Да, я определённо «или». – Она кивнула. – Низшая. Не бойся этого слова.

– Низшая, – повторил я, словно пробуя слово на слух.

– Никогда не видел низших? – Хитрая улыбка не сходила с её лица.

Я смущённо промолчал.

Дальше Билли, так звали девушку, болтала о всякой ерунде, при этом нежно глядя меня по коленке. Я не сразу заметил, что с моим организмом что-то происходит. В какой-то момент перед глазами вдруг поплыло. Билли показалась мне такой замечательной и доброй; музыка уже не долбила по ушам, как прежде. Готов был поклясться, что видел, как дрожат стены. Я начал улыбаться, хотя за маской Билли не смогла бы этого разглядеть. Мои движения стали плавными, медленными. Я поднял руку и повертел ею. Она была такой лёгкой, словно не моя. Билли взяла меня за запястье и улыбнулась.

– Пойдём со мной. – Её голос был приятным, так что я сразу последовал за ней. Как крыса на зов гамельнского крысолова.

Кто-то толкнул меня, и я чуть не упал, но Билли подхватила меня. Какая она очаровательная, заботливая, а какая у неё мягкая и тёплая ладонь... Я шёл и восторгался её волосами – тёмными, волной спадающими на плечи. Я дотронулся до них. Подумать только, Билли – низшая, но какая приятная! Всё, что о ней говорят по телевизору, – гнусная ложь! Она вела меня на второй этаж по широкой металлической лестнице. Тут и там целовались парочки; клянусь, я видел искры любви над их головами. Мне захотелось поцеловать Билли. Я отбросил капюшон, в нём было жарко. Когда мы поднялись на второй этаж, я снял маску, которая мне уже порядком осточертела.

– Ого, а ты реально симпатичный, – улыбнулась она.

Впервые в жизни девушка сделала мне комплимент. Самая красивая девушка, даже лучше Оливии.

– Как тебя зовут, милый?

– Меня зовут...

– ГОТЬЕ!

Я услышал знакомый голос и обернулся. Парень выше меня, худой, с копной чёрных волос до плеч, шёл к нам. Его лицо скрывала чёрно-серая маска птицы с заострённым клювом. Выглядела она устрашающе, как маска чумного доктора в Средневековье. Парень набросился на Билли.

– Ты кто такая?!

– Я здесь работаю, идиот! – огрызнулась та.

– Готье, это я. – Он сбросил маску. – Узнаёшь меня?

Бледная кожа, тёмные глаза, подведённые чёрным карандашом, высокий прямой нос и сжатые тонкие губы. Он выглядел недовольным.

– Скэр, – улыбнулся я, отпустил Билли и полез к другу обниматься. – Тебя так долго не было...

– Уходим отсюда. – Он закинул мою руку себе на шею. – Что ты успел принять?

– Ты охренел? – Билли не сдавалась. Она толкнула Скэриэла, но тот не обратил внимания. – Отпусти, он со мной! Я сейчас вызову Филла, он тебе жопу надерёт.

– Ты идиотка? Новенькая, что ли? – прошипел Скэриэл.

– Я тут работаю почти месяц! Этот чистокровный мальчишка – мой клиент!

– Зови Филла, он тебя спустит с этой лестницы и даст пинка под зад из клуба!

Я ещё никогда не видел его таким злым. Мне захотелось отойти от него обратно к Билли. Она старалась, работала, а Скэриэл всё испортил. А ещё она низшая, и Скэриэл этого не знает. Он ведь всего лишь полукровка. А вот Билли нет. Я заберу её секрет с собой в могилу.

– Куда собрался, придурок? – спросил он, когда я слабо попытался вывернуться.

– Не ругай её, она не виновата. – Я очень хотел заступиться за эту добрую, дружелюбную девушку.

– Господи, ну что за тупица, – вздохнул Скэр, но тут же улыбнулся и, вместо того чтобы разразиться руганью, потащил меня вниз.

Билли осталась стоять. Разгневанная, она походила на богиню войны. Я печально помахал ей рукой.

– Надень. – Скэриэл натянул на меня свою маску, ещё более неудобную, чем лисья.

– Не хочу. – Я попытался её убрать.

Мне было душно. Я хотел вернуться к Билли и извиниться за поведение Скэриэла.

– Тебя могут узнать, надевай по-хорошему! А то я вернусь и устрою той девушке проблемы.

Он всегда знал, как надавить на меня. Я обиженно надел маску.

– Хочу домой.

– Без проблем.

На улице у «Ямы» Скэриэл остановил такси и усадил меня на заднее сиденье. Я прислонился к окну. Меня захлестнула грусть, словно я покидал рай. За окном проносились трущобы, узенькие улочки и низкие постройки. Скэриэл что-то говорил, но я отмахивался от него. Тело становилось тяжёлым, голова свинцовой. Казалось, вся печаль мира настигла меня. Хотелось спрятаться в какой-нибудь пещере и заснуть навсегда.

Наверное, я отключился, а проснулся уже в какой-то чужой комнате. На мне не было рубашки и брюк, и я почувствовал себя героем молодёжной комедии. Голова трещала, как будто это я вчера выпил несколько порций мартини, а не... Оскар.

Оскар! Он бросил меня в клуб! Я понятия не имел, где он, да и... где я?

Я через силу огляделся: голова болела от каждого резкого движения. Из открытого окна пробивались первые солнечные лучи. Светало. Комната была пустой, если не считать шкафа и кровати. Повсюду валялись вещи, хозяин точно не отличался чистоплотностью.

Поднявшись, я увидел возле кровати на полу свой телефон – разряженный в ноль бесполезный кусок пластика. Я стянул простыню и накинул её на себя, как древнеримскую тогу. Дом был незнакомым. Я вышел из комнаты и спустился по лестнице. Ни ковров, ни паласов, ни гобеленов. Встретившиеся на пути приоткрытые спальни были пусты, как будто здесь никто не жил.

Я добрался до маленькой кухни, которая соединялась с гостиной. За столом сидел Скэриэл, поджав одну ногу, а вторую опустив на соседний стул. В белой футболке и чёрных спортивных штанах, босой и взлохмаченный, он выглядел так, будто проснулся пять минут назад. Скэриэл пил кофе – я учуял этот запах ещё на лестнице – и увлечённо читал какую-то маленькую книгу. Но больше всего меня поразило другое.

– Не знал, что ты куришь.

Он оглянулся на меня, приподнял бровь и вернулся к книге.

– А я не знал, что ты любитель косплеить римских императоров. – Он затушил недокуренную сигарету; я изобразил гримасу «ха-ха, как смешно». – Не хотел, чтобы кто-то в твоём доме учуял табачный запах от меня.

– С каких пор ты переживаешь из-за такого? – хмыкнул я, прислонившись к стене.

– С тех самых пор, как понял, что все промывают тебе мозги по поводу нашей дружбы, – спокойно отозвался он, не поднимая головы.

Повисло неловкое молчание.

– Мне всё равно.

Скэриэл пожал плечами.

– Что читаешь? – спросил я, чтобы сменить тему.

– «Падение дома Ашероу». Классная вещь. – Скэриэл показал мне обложку книги. Готическое оформление, печальная дама у колодца. Эдгар Аллан По.

Я подумал о том, что, если в скором времени не вернусь домой, у меня точно произойдёт «Падение дома Хитклиф».

– Разве ты не против чистокровных писателей? Мне казалось, что ты поддерживаешь только полукровок и низших. – Я помассировал виски, но голова продолжала трещать. – Как там звали твоего бунтаря? Артур Рембо?

– Артур Рембо! И он писал шедевры в нашем возрасте. – Скэриэл улыбнулся. – У меня, в отличие от чистокровных, нет предубеждений. А тебе стоит выпить аспирина.

Он поднялся, отложил книгу и достал из холодильника бутылку воды, а из шкафчика лекарство. Я выпил таблетку и поставил стакан на стол, чувствуя себя всё ещё паршиво.

– «Глубокая яма» – подходящее название. Мне это напомнило кроличью нору Алисы.

– Нет, это скорее «Яма» Куприна. – Скэриэл уселся на своё место. – На втором этаже есть ванная, я оставил тебе полотенце и запасную зубную щётку. А ещё закинул твою рубашку в стирку, если ты не против. Она вся провоняла табачным дымом. Брюки в шкафу. Можешь взять мою футболку, если хочешь. Или ходи так. – Он неопределённо указал рукой на мой образ. – Чувствуй себя как дома.

– Спасибо. – Я уже медленно поднимался по лестнице, попутно поправляя импровизированную тогу. – Чувствую себя так, как будто меня переехал асфальтоукладчик...

Разумеется, Скэр тут же рассмеялся мне вслед:

– Ты и выглядишь так же!

На втором этаже я обнаружил ванную, о которой говорил Скэриэл. Она находилась в конце коридора, неприметная дверь сливалась со стеной. Помещение оказалось настолько

маленьким, что места хватило только для душевой кабинки да раковины с унитазом. Разница между нашими домами поражала. Одна моя ванная комната была размером со спальню Скэра.

Я с облегчением вспомнил, что сегодня суббота, а значит, я не пропускаю лицей. Просто гора с плеч упала. Прогулы у нас всегда жёстко контролировались. Если бы я не появился на занятиях, отцу уже доложили бы об этом.

Освежившись, я почувствовал себя человеком. Кажется, аспирин начал действовать и прогнал дятла, всё это время нещадно долбившего по моей черепушке. Отражение в зеркале выглядело кошмарно. Так скверно мне было только после смерти мамы, но тогда внешний вид меня абсолютно не волновал. Кажется, те месяцы я прожил на автопилоте.

Возвращаясь в комнату Скэриэла, я скинул простыню и понёс её в руках. Я слышал голос друга из кухни, он с кем-то разговаривал по телефону. Кажется, Эдварда, его дяди, не было дома, а значит, я мог не стесняться посторонних взглядов.

В шкафу я быстро нашёл свои брюки – поразительно, как Скэр аккуратно их сложил, при том что его вещи валялись рядом одной большой кучей. Моя рубашка ещё не высохла, поэтому я вытянул пару футболок и выбрал ту, которая пахла стиральным порошком. Не найдя расчёски, я провёл пятернёй по волосам в надежде, что этого будет достаточно. Шкаф не закрылся с первого раза, что-то мешало на нижних полках. Я нагнулся и вытащил томик поэзии Рембо. Держать книги в шкафу с одеждой – очень в духе Скэра.

Он познакомился с творчеством Рембо в прошлом году и просто достал меня им. Выучил наизусть не меньше десяти его произведений, цитировал по поводу и без. Я не мог понять, делает он это, чтобы продемонстрировать эрудицию, или, может, злит меня, или нагоняет драматизма, особенно когда мне доставалось от брата или отца. Порой все три варианта идеально подходили под ситуацию. Может, проникновенными строчками Рембо Скэриэл хотел разрядить обстановку, но получалось в точности наоборот.

Однажды, когда я был очень раздражён после ссоры с братом, Скэр додумался опять процитировать что-то в духе: «Встревожим вихрь разгневанных огней, и мы, и наши названные братья!»¹ – так что я со всей силы запустил в него попавшейся под руку книгой. Он не успел увернуться, и тяжёлый корешок ударил его по скуле. Потом три дня он ходил побитой собакой, а мне было жутко стыдно. Но в тот самый момент, когда его скула опухла – а затем налилась синевой, – Скэриэл умудрился обернуть произошедшее в шутку: «Страйк, Хитклиф! Какой бросок!»

Когда мы только познакомились, он мало в чём разбирался, у него были смутные представления о поэзии Серебряного века, как и о поэзии вообще. Он только краем уха слышал о сюжетах классических произведений, почти не интересовался историей и никогда не был в театре. Я дал ему почитать «Убить пересмешника», затем «Повелителя мух», и Скэриэл плотно подсел на литературу. Он был как жаждущий в пустыне, дорвавшийся до оазиса. Скэр приходил ко мне почти каждый день, чтобы читать; иногда я давал ему книги домой, дарил новые издания. Предложил записаться в библиотеку при лицее, но он отказался. Большую часть книг он читал онлайн и прибегал ко мне обсудить. Но, в отличие от него, я был не на домашнем обучении, мне много задавали, и у меня не оставалось времени на обмен впечатлениями.

Скэриэл оказался всеядным в жанрах. Он прочитал все детские книги Габриэллы, вроде «Золотой коллекции октавианских сказок», «Питера Пэна», «Алисы в Стране чудес», «Волшебника страны Оз». Его привёл в восторг сборник мифов Древней Греции. Из моей домашней библиотеки он прочитал всё, и пришлось в срочном порядке обновлять книжные полки, чтобы ему было чем поживиться. На шестнадцатилетие я подарил ему одно из первых изданий «Коллекционера» Джона Фаулза. Скэриэл был так счастлив, что сгрёб меня в объятия и чмокнул в щёку.

¹ Перевод: Ф.К. Сологуба.

В отличие от меня, Скэриэл всегда идеализировал исторических личностей: писателей, поэтов, политиков, учёных. Около полугода он не мог говорить ни о ком, кроме Александра Македонского. Бывало, приходил ко мне с утра, усаживался на кровать, включал очередную лекцию и пропадал так на весь день. Я занимался своими делами, мог даже оставить его и уйти на пару часов и больше. Он сидел тихо, полностью растворившись в информации, которую получал, так что я даже забывал о его присутствии и вздрагивал, когда он напоминал о себе.

– Готи, ты знал, что Александра упомянули в Коране? Его там зовут Искандером. И он «наби» – это люди, избранные Богом.

Или:

– Оказывается, Александра не отравили, он не подхватил никакой индийской болезни, а умер от панкреонекроза. А вот Гефестион скончался от брюшного тифа. Но я всё равно считаю, что Гефестиона могли отравить. У него было слишком много врагов.

Скэриэл две недели упрашивал меня нарядиться на Хеллоуин Александром Македонским, а сам планировал стать его верным другом Гефестионом.

– Нам не обязательно заходить к другим домой за сладостями, давай просто прогуляемся в таком виде по улицам. – Скэр ходил за мной по пятам. – Ты вылитый Александр в молодости! Цвет волос, телосложение. Знаешь, что успел сделать Александр в тринадцать лет? Он уже мог принимать иностранных послов, и он укротил Буцефала. Ты помнишь про Буцефала?

– Я знаю историю, Скэр, но отец меня убьёт, если узнает, что мы с тобой расхаживаем в образах Александра и Гефестиона. А Геден ему в этом поможет. Мой отец тоже в курсе истории, и ему точно не понравится, что мы оденемся, как исторические любовники. И ему будет всё равно, захватывал Александр Персию или Индию, как далеко он со своими походами продвинулся в Азии и сколько у него было жён.

Скэриэл унялся, когда я пообещал когда-нибудь в будущем устроить вечер в стиле Древней Македонии: пить вино, есть мясо и обсуждать походы Александра Великого.

Мы много читали, яростно спорили и быстро мирились. Скэриэл полюбил Уайльда, а я его считал переоценённым. Из бит-поколения он выделял только Карра («Как ты не понимаешь, он их всех собрал, объединил!»), а я утверждал, что основная заслуга в становлении творческой революции принадлежит Керуаку, Берроузу и Гинзбергу. Мы могли до утра разводить демагогию по поводу творчества Сэлинджера (ему нравился Холден из «Над пропастью во ржи», а я терпеть не мог этого героя) – и в конце концов прийти к общему выводу, что Сэлинджер был крут, ведь он пережил высадку в Нормандии.

Наши взгляды на живопись тоже разошлись. Я обожал Ван Гога и Моне; Скэриэл считал, что нет никого гениальнее Рембрандта и Рубенса. Мне нравились пейзажи и натюрморты, ему – портреты, исторические полотна, анималистика. Мои вкусы не менялись годами, в то время как Скэриэл прыгал с одной картины на другую, если его, например, спросить о любимых творениях Рубенса. Сегодня он без ума от «Изгнания из рая», завтра – от «Падения мятежных ангелов», а потом он доказывает, что картины Рубенса с Иисусом – это единственное, на что он готов смотреть вечно.

С поэзией дела обстояли лучше. В последнее время Скэриэл увлёкся Рембо (я в целом хорошо относился к его творчеству, но мне он не нравился как личность), а до него зачитывался Уолтом Уитменом. Днём и ночью он выкрикивал любимые строчки.

«О капитан! Мой капитан! Рейс трудный завершён,
Все бури выдержал корабль, увенчан славой он»².

² В переводе М. Зенкевича.

Он так часто декламировал это стихотворение, что я тоже запомнил его наизусть. Уитмена я уважал, но слушать его круглосуточно было тем ещё испытанием.

Спускаясь к Скэриэлу, я ненадолго остановился вне поля его зрения – не специально, не собиравшись подслушивать. Почти сразу я с удивлением понял: он разгневан. Скэр стоял спиной, но весь его вид говорил о том, что он готов разнести кухню, если не полдома.

– Повторяю ещё раз, – шипел он в трубку. – Ноэль должен переехать оттуда. – Скэр замолчал, выслушивая ответ, но быстро перебил: – Неделя! Не больше.

Он отшвырнул несчастный смартфон. Я замер. Не хотелось попасться под горячую руку.

Ноэль. Я никогда прежде не слышал этого имени. С кем разговаривал Скэриэл? Я привык к нашим посиделкам в моём доме и постоянному общению по переписке. Редко задумывался о том, что помимо меня у Скэра могут быть ещё друзья.

– Долго ты там будешь стоять? – Он повернулся ко мне. Его голос звучал спокойно. Он снова взял себя в руки или умело скрывал раздражение.

– Я только что подошёл... – Как пойманный на месте преступления, я спустился на кухню.

– Чушь, – беззлобно хмыкнул Скэр. – Твоё дартвейдеровское дыхание тебя выдало.

Увидев меня, он громко рассмеялся. Я осмотрел себя и только сейчас понял, что на футболке (прекрасный вкус, спасибо, друг!) красуется мультяшный единорог.

– Тебе идёт, Готи. – Он пару раз ударил ладонью по столу в приступе хохота.

Я закатил глаза и показал ему средний палец. Дождался, когда Скэриэл успокоится, и, решив, что ничего плохого в простом любопытстве нет, спросил:

– Кто такой Ноэль?

Его улыбку как ветром сдуло. И с ответом он явно не нашёлся. Я удивлённо приподнял брови.

– Скажем так. – Скэр растягивал слова, явно давая себе время на размышления. – Знакомый из детства.

– Ты мне никогда о нём не говорил.

– Мы с ним не близки.

– Но сейчас у него какие-то проблемы?

– Это допрос? – ошетинился Скэриэл.

Я пожал плечами (перенял его привычку) и изобразил равнодушный вид «не хочешь – не говори, не больно-то и хотелось». Скэриэл в знак примирения пододвинул ко мне тарелку с сэндвичем. Сыр и ветчина – моё любимое сочетание. Видимо, успел приготовить, пока я был наверху. Я откусил кусочек. Скэриэл уселся напротив.

– Почему твой дом выглядит так, как будто ты въехал только вчера?

– Я тут бываю нечасто, а из Эдварда плохая домохозяйка.

– Кстати, где он?

– Уехал по делам. – Скэриэл поднялся и налил мне стакан сока. Слава богу, не апельсиновый. Мне его хватило в «Глубокой яме».

Я откусил ещё. Показалось, что Скэриэл разговаривал по телефону с Эдвардом, но я никак не мог взять в толк, какие у них отношения. Иногда он вёл себя так, как будто Эдвард не родной дядя, а наёмный работник или что-то вроде того.

– А теперь поговорим о ваших вчерашних приключениях, молодой человек. – Скэр изобразил тон моего отца, и я скривился.

Чёрт.

– Мне надо позвонить Сильвии или Кевину, предупредить их, что я жив, а не лежу на дне канавы. Только вот батарейка разряжена...

– Позвони с моего. – Он принялся осматриваться, ища выкинутый в порыве гнева смартфон. – У меня есть номер Кевина.

– Чего? – Я удивился не на шутку.

– Чего? – прыснул Скэриэл. – Мы иногда переписываемся, он прикольный. У нас с ним много общего.

– Что, например?

– Ты. – Скэриэл протянул мне найденный смартфон. У него треснул экран от удара.

Я промолчал и поскорее набрал Кевина. Долгие гудки, и вот он – испуганный голос моего водителя. Я сказал, что со мной всё в порядке, продиктовал адрес Скэра (тот быстро написал его на листочке неразборчивым, словно врачебным почерком) и попросил забрать меня через час. Отсоединился. Скэр лениво прислонился к спинке стула.

– Ну? Я жду потрясающую историю об Оскаре и о том, как тебя напичкали таблетками.

– Я не принимал никаких таблеток! – возмутился я.

– О боже, святая простота. – Он усмехнулся. – Ты пил что-нибудь? Скорее всего, тебе подсыпали, пока ты там глазками хлопал. Как ты умудрился оказаться в Запретных землях? Без меня! Я хотел первым тебя сводить.

– Оскар тебя опередил. – Настала моя очередь смеяться. Скэриэл комично обижался, когда хотел поднять мне настроение.

– Предатель. – Он манерно отвернулся. – А где он сам?

– Без понятия, надеюсь, не на дне сточной канавы. Он меня бросил вчера.

– А ты и мастер верить всяким типам вроде Оскара, я погляжу.

– Иди в жопу, Лоу. Он меня попросил, а я не мог отказать!

Скэриэл хотел добавить что-то колкое, но я остановил его жестом и резко поднялся.

– Просто заткнись. Я понял, что облажался.

Оставив свой завтрак, я направился в гостиную. Он последовал за мной. Я уселся на диван и только тут спохватился.

– Стой. А что ты забыл вчера в клубе? Я думал, ты уехал по учёбе.

– Мгм, – пробурчал он. – Я вернулся в город вчера днём и решил заглянуть в клуб, встретить друга.

– Прекрасно. Вы с Оскаром одну отмазку на двоих используете.

– Эй. – В его голосе послышались недовольные нотки. – Не сравнивай меня с этим придурком. Я полукровка и могу спокойно разгуливать по Запретным землям.

– Если мне не изменяет память, ты вчера был в маске. Спокойно разгуливать в маске?

– Это сложно объяснить. – Он дотянулся до журнального столика, где помимо пульта лежала пачка сигарет и стояла пепельница. – Ты не против, если я закурю?

– Дай мне тоже.

Я никогда прежде не курил, но так и подмывало исправить сейчас этот факт своей биографии.

– Ещё чего! Хватит с тебя клуба, проститутки и таблеток.

Я вспомнил Билли. Как мой одурманенный разум вообще посмел сравнить её с Оливией Брум? Я почувствовал укол совести. Эта низшая ловко меня обработала! Не появись Скэриэл, я бы уже искал деньги, чтобы выкупить у Билли свои интимные фотографии.

Скэр достал из кармана зажигалку и закурил.

– Как тебе действие таблетки?

– Голова уже не так трещит, – неохотно отозвался я. – Аспирин обычно мне быстро помогает.

Скэриэл захихикал.

– Я про таблетку в клубе. Понравилось?

– Э... не знаю. Я как будто видел искры. Цвета были ярче.

– Есть с крутым эффектом и не таким тяжёлым отходняком. Тебе подкинули дешёвку, чтобы мозг быстрее отключился.

- А ты в этом разбираешься? – недоверчиво спросил я.
- Немного. – Скэриэл затаился и выпустил дым в сторону.
- Непривычно видеть тебя курящим.
- Я не скрывал это, просто ты не спрашивал.

Раздался громкий звонок. Скэриэл удивлённо уставился на меня, как будто впервые узнал о наличии дверного звонка в этом доме.

- Ко мне обычно никто не приходит.
- Может, это Эдвард?

– Нет, его не будет ещё несколько дней. – Скэриэл затушил сигарету. – «Дверь открыл я: никого, Тьма – и больше ничего»³.

Прекрасно, на смену Рембо пришёл По. Не знаю, что выражало моё лицо, возможно, мучение, но Скэр тихо рассмеялся. Подозреваю, что ради этой реакции он и заучивал стихотворения.

- Или, может, это Кевин приехал раньше времени, – предположил он.

Я остался на диване, когда Скэриэл вышел в холл. А через полминуты я услышал его странно кроткий голос:

- Здравствуйте...

Я понял – жди беды. Как гром среди ясного неба, в гостиную ворвался Гедеон собственной персоной. Под его острым презрительным взглядом я моментально вскочил.

Гедеон был в плаще, его влажные волосы вились, словно он недавно попал под дождь. Брат шёл прямо в обуви, оставляя на полу грязные разводы. В любой другой ситуации я бы удивился этой неаккуратности, но не сейчас. Было заметно, что в этот момент ему плевать на этикет. Он и так сдерживался, чтобы не наброситься на меня при свидетеле.

На мне была футболка Скэриэла, в гостиной пахло сигаретным дымом, а вечер и ночь я провёл вне дома. Казалось, хуже положения быть не могло.

- Собирайся, – процедил Гедеон, глядя мне в глаза.

Я тут же потупился. Скэриэл стал тише воды ниже травы, и я был ему благодарен за это. Впопыхах я взбежал на второй этаж за вещами, сбросил футболку и быстро натянул ещё влажную рубашку, путаясь в пуговицах. Затем заскочил в комнату Скэра за отключённым телефоном. Когда я спустился, эти двое не сдвинулись с места: Скэр уткнулся взглядом в пол и с большим интересом рассматривал паркет; Гедеон застыл как статуя. Его лицо абсолютно ничего не выражало. С таким видом он мог стоять в очереди за круассанами для Габи. Или ждать экзамена в Академии.

Увидев меня, Гедеон вылетел из дома, словно мы опаздывали на рейс. На улице действительно шёл дождь.

- Стойте, мистер Хитклиф, – вдруг раздалось за спиной, когда я последовал за братом.

Только не это! Клянусь, я придушу его, если он сейчас выкинет что-нибудь дикое. Гедеон остановился у машины и обернулся. Скэр, стоящий на крыльце, тихо сказал:

- Готье не курит. Это я курил!
- Садись в машину, Готье. – Гедеон проигнорировал его.

Я с благодарностью посмотрел на Скэра. Пришлось постараться, чтобы подавить дикий порыв обнять друга. Появилось жуткое чувство, будто это наша последняя встреча.

Я сел на заднее сиденье. Гедеон завёл машину. Посмотрев в окно, я заметил, что Скэриэл продолжал стоять в дверях. Он выглядел встревоженным, словно это его старший брат вёз на семейные разборки.

³ Перевод М. Зенкевича.

Гедеон выехал на шоссе. Я немного сдвинулся и мельком взглянул на брата. Он ехал быстро. Когда стрелка на спидометре перевалила за сто, я заволновался. Он сжимал руль так, что костяшки пальцев побелели от напряжения.

Я хотел что-то сказать в свою защиту, пока мы не окажемся дома: там уже не будет путей к отступлению. Виноват ли я во всём случившемся накануне? Мог ли просто не связываться с Оскаром? Да, конечно, мог.

– Гедеон, мне...

«...Мне очень жаль, что у тебя такой никчёмный младший брат, который не может никому отказать и влипает в проблемы».

– Молчи, если не хочешь попасть в аварию, – не глядя, велел он.

Если выпрыгнуть из машины на скорости под сто километров в час, какова вероятность, что я не сломаю шею и меня не задавят другие машины? Допустим, мы остановимся на светофоре, успею ли я выскочить? Вот только куда бежать...

Путь до дома занял около пятнадцати минут. Мы со Скэром оказались практически соседями. Вот так дружишь два года и не знаешь, где живёт твой лучший друг.

Дождь уже хлестал как из ведра. Подъезжая к особняку, Гедеон дистанционно открыл железные ворота, и мы въехали на участок. Никого не было видно, ни садовников, ни водителей, – ни одной живой души. Когда Гедеон был в плохом настроении, Сильвия советовала всем работникам переждать в домике для прислуги. Мудрая женщина.

Я отстёгивал ремень безопасности, когда из дома нам навстречу вышел... Оскар.

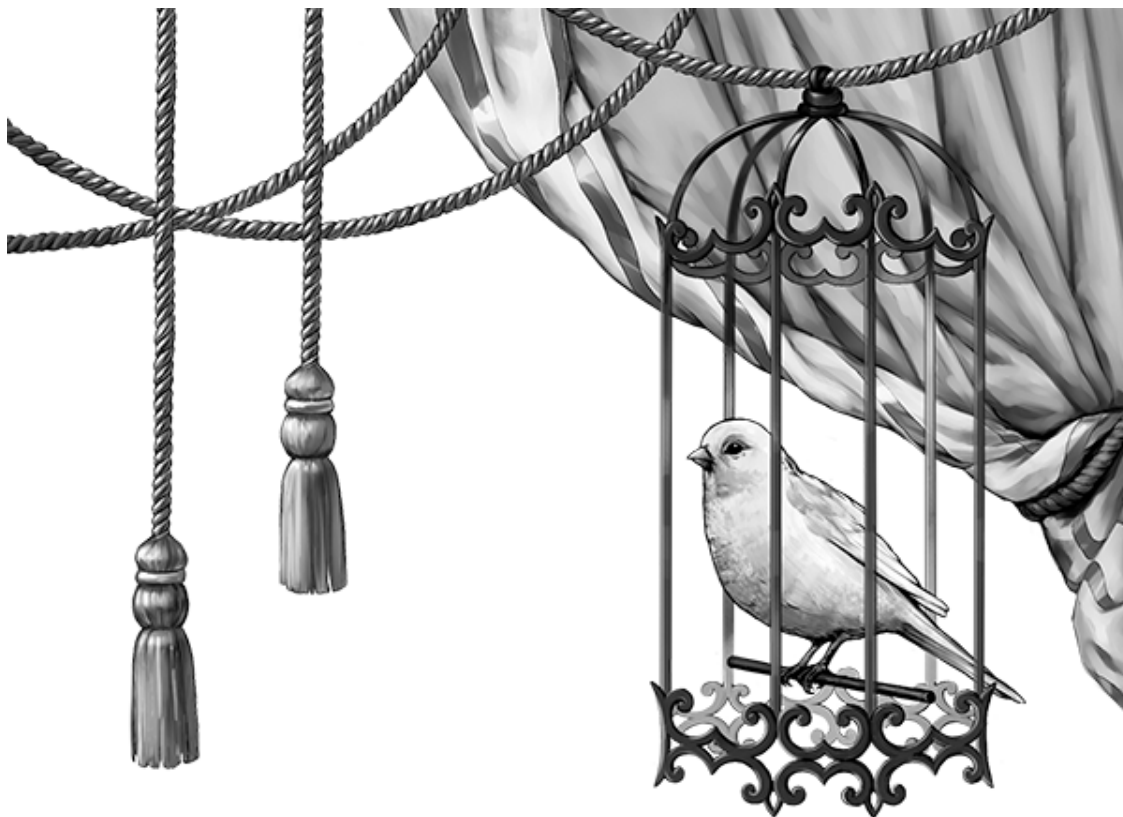
– Да ладно, – прошептал я.

К счастью, Гедеон уже вышел из машины.

Оскар выглядел таким виноватым и растерянным, что на секунду мне стало его жаль. Одет он был в то же, что и вчера, да и в принципе выглядел помятым, растрёпанным. Под глазами виднелись мешки. Кажется, он был немного пьян.

Чего я не ожидал, так это того, что Гедеон, приблизившись, ударит его в челюсть.

5

Я впервые видел, как чистокровные дерутся, используя кулаки. Застыв, я разинул рот. Оскар и так непрочно стоял на ногах, а от первого же удара Гедеона упал на землю, приложившись головой о мокрый асфальт. Серая подъездная дорожка окрасилась в алый. Оскар застонал, схватившись за рот. Его лицо и рука были в крови. Он попытался подняться, но Гедеон толкнул его ногой, завалив на бок. Я наконец вылез из машины. Всё было как в замедленной съёмке. Гедеон нагнулся над Оскаром, рывком перевернул его на спину и схватил за грудки. Из-за дождя я не слышал, что Гедеон сказал Оскару, приблизившись вплотную, словно хотел поцеловать в лоб.

Я побоялся подойти ближе, но Гедеон расправил плечи, поправил сбившийся плащ и, повернувшись ко мне, велел:

– Поднимайся в свою комнату.

Онемев от ужаса, я продолжал стоять на месте.

– Живо! – повысил голос Гедеон. Он отошёл от Оскара и вытащил мобильный телефон. Когда я проходил мимо, не смея поднять взгляд, он говорил: – ...Парень, двадцать лет, возможно, сломана челюсть. У него кровь идёт. Наш адрес...

Оскар сел, сгорбился, смачно выплюнул скопившуюся во рту кровь и болезненно застонал. Я поспешил прочь, не поднимая глаз.

Я вбежал в дом, как будто за мной кто-то гнался. С кухни раздалось оханье – скорее всего это впечатлительная Фанни – а затем и шёпот: Кэтрин попросила её быть потише.

– Кто-нибудь есть в доме? – крикнул я.

На пороге кухни появились испуганные женщины. Кухонные окна выходили в эту сторону. Значит, Кэтрин с Фанни тоже стали свидетелями драки.

– Господин Готье, что же это делается? – почти плача, прошептала Фанни. – Вас не было всю ночь, а теперь вот господин Гедеон...

– Господин Готье, вы весь мокрый, так и простудиться можно! Скорее бегите наверх и залезайте под горячий душ. Я принесу вам чай и заберу вещи. – Кэтрин была более практичной. Мне нравилась эта её черта.

Я кивнул и поднялся по лестнице. В моей комнате ничего не изменилось с прошлого вечера. Я просил Лору и других заранее предупреждать перед уборкой, поэтому никто не входил ко мне. Рюкзак был закинут под стол, вещи разбросаны, книги валялись и тут и там. На незаправленной кровати небрежно лежал раскрытый ежедневник. Стояла духота, и я первым делом открыл окно.

Скинув мокрую одежду, я оставил её у двери для Кэтрин и направился в свою ванную. После душа стало намного лучше. Я простоял под напором горячей воды дольше, чем планировал, и, когда вышел, принесённый чай уже остыл.

Выглянув в окно, увидел, как от нашего дома отъезжают карета «Скорой помощи» и полицейская машина. Гедеон вызвал врачей, но что тут делала полиция, непонятно. За ответами я спустился на первый этаж.

Сильвия нервно ходила взад и вперёд по гостиной и кусала губы. Такой она бывала, только когда нужно было сообщить моему отцу плохие новости.

– Что случилось?

– Господин Готье, слава богу, что вы дома. Полиция забрала господина Гедеона.

– Что? – растерялся я. – Зачем? Оскар заявил на него?

– Нет-нет, это стандартная процедура, если происходит драка и приезжает «Скорая помощь». Они обязаны вызвать полицию, чтобы разобраться. Господин Гедеон просто должен объяснить ситуацию полицейским, – торопливо проговорила Сильвия. Кажется, она готовила эту речь для отца.

– Надолго он уехал?

– Не могу ответить. – Она достала мобильный телефон. – Мне нужно сообщить господину Уильяму.

Гедеона не было больше двух часов. Я сидел в своей комнате и безуспешно пытался приняться за домашнее задание. На столе были разложены тетради и раскрыт учебник, но я так и не притронулся к нему. Только сейчас, в одиночестве, у меня появилась возможность обдумать произошедшее.

Чистокровные никогда не прибегают к кулакам, считая драки уделом полукровок и низших. Как высший класс, они решают конфликты с помощью тёмной материи. Когда они сражаются, сгустки этой энергии возникают из их ладоней. Эти контролируемые тёмные облака могут принимать любую форму и быть очень опасными.

Когда люди открыли эту силу и научились использовать, от неё стало зависеть всё социальное деление в мире. Каждый год чистокровные в учебных заведениях сдают экзамены, чтобы подтвердить уровень владения тёмной материей, наращивают его путём тренировок.

Чем ты сильнее, тем выше твой шанс на значимую должность, в том числе во власти. Полукровки, в сравнении с нами, владеют тёмной материей на ничтожном уровне, и у них недостаточно средств, чтобы достигнуть хоть какого-то мастерства. Низшие – не владеют вовсе. В школах полукровкам и низшим не преподают ни теорию, ни практику: это считается бессмысленным. Да и в целом тёмная материя – довольно таинственная вещь, полная странностей. Думаю, даже в лицее нам говорят о ней далеко не всё. Ясно только, что шестнадцатый век стал переломным для всего человечества.

С детства я владею этой силой, но никогда не использовал её для защиты или нападения. И если мои одноклассники на уроке могут уверенно направить мощную энергию в установленную учителем цель, то я сбиваюсь и мой ступор растворяется на полпути. Конечно, меня всегда это расстраивало, ведь от оценки по этому предмету портился табель. Но я надеюсь, что в жизни никогда не воспользуюсь своей силой.

Гедеон не раз устраивал дома погромы с помощью тёмной материи: он очень силен. Одним взмахом руки может отбросить диван и кресла к противоположной стене. У него всегда были высокие оценки за экзамены по управлению силой. Отец считает, что Гедеон может стать искусным офицером. С таким уровнем тёмной материи он с лёгкостью войдёт и в Совет старейшин, когда ему исполнится двадцать восемь лет.

Но сегодня он просто взял и врезал Оскару. Быть может, так Гедеон удостоверился, что не убьёт бывшего друга в драке. Боюсь представить, чем всё могло закончиться, воспользуясь он силой. Или устрой они дуэль.

В окно постучали, и я чуть не упал со стула, увидев перед собой Скэриэла. Он снова умудрился проскочить незамеченным, влезть на дерево и по карнизу добраться до меня.

Я открыл окно, и он ввалился в комнату, попутно испачкав тетради на столе.

– Какого чёрта, Скэр?

– Это ты какого чёрта?! – воскликнул он, негодуя, размахивая руками. – Я места себе не находил. Ты уехал от меня три часа назад и пропал. Ни звонка, ни сообщения! Я уже думал, что Гедеон на заднем дворе закапывает твой труп.

– Он меня не тронул.

– Да я вижу, – буркнул Скэр, укладываясь на кровати. – Руки-ноги целы. А я, как дурак, переживал. Думал полицию к тебе вызвать на всякий случай.

– А полиция уже была и забрала Гедеона. – Я закрыл окно и опёрся на стол, держа в руках испорченную тетрадь по геометрии. На странице красовался грязный отпечаток ботинка. Придётся заменить её.

– Что?! – Скэриэл удивлённо приподнялся. – Что я пропустил? Мне нужны подробности.

– Тут был Оскар, и Гедеон его избил. Своими руками.

Скэриэл присвистнул.

– Твой брат сумасшедший, но крутой. Полиция упекла его за драку?

– Пока не знаю. Он уехал давать показания.

– Ну офигеть просто. Я пропустил такое зрелище. А ты мне даже не написал.

– Я понятия не имею, где мой телефон.

Следующие полчаса мы разбирали животрепещущий, по нашему мнению, вопрос: посадят ли Гедеона и по какой статье? Скэр отправился за ответом в интернет, а я полез в справочник по уголовному праву.

В обед вернулась из балетной школы Габриэлла. Она внезапно ворвалась к нам, хотя я был уверен, что закрыл дверь на замок. Мы как раз обсуждали, можно ли трактовать действия Гедеона как совершённые в состоянии аффекта.

– Готьё! – Она остановилась в дверях, увидев, что я не один. Поджав губы, уставилась на Скэра: – Гедеон будет злиться, если увидит тебя здесь.

Наверное, отец снова сказал при ней что-то нелестное о моем друге. Но Скэр и ухом не повёл.

– Малышка Биби! – радостно поприветствовал её он, виртуозно сменив тему. – Это что у тебя? Новая игрушка? Покажи.

Габриэлла мигом преобразилась и, подскочив, протянула ему большую божью коровку.

– Это из новой коллекции «Леди Баг».

– Да она здоровенная! Кто тебе это подарил? – Скэр изобразил такой неподдельный восторг, словно всю жизнь был ярым поклонником этой супергероини.

– Геден! Он утром приехал и сразу мне подарил. Ещё он привёз конфеты.

– Подожди, Габи, получается, Геден не ночевал дома? – спросил я. Габи повернулась ко мне, улыбка сползла, лицо скривилось в недовольной гримасе.

Да, я никогда не умел общаться с противоположным полом, в отличие от Скэриэла. Даже младшая сестра предпочла бы его общество моему.

– Тебя и Гедена ночью не было дома, и я расскажу об этом папе.

– Биби, а обо мне ты не расскажешь, да? Мы с тобой ещё прошлый сезон «Леди Баг» не досмотрели. – Скэр по-дружески положил ладонь на макушку Габриэллы. Я закатил глаза. Не то чтобы я был против «Леди Баг» или любого другого мультсериала, но в последний раз, когда Лоу ушёл к Габи смотреть мультфильмы, он пропал на весь день.

– А мы досмотрим, да? Когда? Я ничего про тебя не расскажу. Ты придёшь вечером ко мне? У меня есть конфеты, а Фанни обещала испечь пирог. Будем смотреть мультики.

Габриэлле было только восемь лет, но она уже пыталась отбить моего единственного друга.

– Обязательно досмотрим. – Скэриэл лучезарно улыбнулся, затем приблизился к ней и прошептал, как будто они играли в шпионов: – А теперь расскажи, что было утром. Во сколько вернулся Геден?

– А почему ты шепчешь? – тоже шёпотом спросила сестра.

«Потому что он придурок», – пронеслось у меня в голове.

– Потому что ты – наша шпионка и должна доложить секретную информацию, – продолжил Скэриэл и подозрительно осмотрелся, как будто мифические враги могли быть в комнате.

Но, к моему большому удивлению, Габи с энтузиазмом влилась в игру.

– Он приехал рано утром, я ещё спала. А потом я проснулась, меня разбудила миссис Нар. Я собиралась на занятия. – Габриэлла отвлеклась и вернулась к обычному голосу. – Миссис Нар купила мне новые пуанты, хотите покажу?

– Покажешь попозже. Когда Геден ушёл? – Скэриэл продолжил искусный допрос.

– Он был очень злой утром. Ругался всё время с кем-то по телефону. Потом уехал куда-то. Его долго не было. Мы чуть не опоздали, потому что, когда я садилась в машину, Кевин прибежал и сказал Сильвии, что ты звонил. А Сильвия позвонила брату. А где Геден? Ты его видел? – Габи обратилась ко мне.

– Он меня привёз домой.

– Откуда? Где ты был?

– У Скэриэла дома ночевал.

– У тебя дома? – казалось, Габи удивилась тому факту, что Скэру вообще есть где жить. Возможно, она считала, что он тайно поселился у нас, как какая-нибудь несчастная заблудившаяся собачка, которую мы прячем по комнатам от старших.

– Ага, хочешь ко мне в гости?

– Скэр, ты шутишь, да? – всполошился я. – Если Геден узнает, он с нас шкуру сдерёт!

– Но он же ничего не узнает, верно, Биби? – спросил Скэриэл, и та закивала, как китайский болванчик.

Позже я попросил Сильвию принести обед в мою комнату. Конечно, ей это не понравилось. Она вскользь пожурела меня за манеры, но я промолчал. Когда Кэтрин и Фанни не было на кухне – они отправились прогуляться и купить продукты к ужину, Фанни планировала приготовить обещанный яблочный пирог по секретному рецепту своей бабушки, – я взял ещё порцию для Скэриэла. Мы сидели за письменным столом, ели куриные ножки, держа их руками, и запивали всё это холодным лимонадом, оставляя на бокалах жирные отпечатки – такого я уж точно не мог позволить себе в обществе отца и брата. Скэриэл при этом не стеснялся облизывать масляные пальцы.

На нём была та самая футболка с мультяшным единорогом, которую я носил утром. Вместо спортивных штанов – узкие армейские брюки. Из тяжёлых чёрных ботинок выглядывали непарные носки: один был чёрный в полоску, второй синий. Скэриэл редко надевал носки, предпочитая носить обувь на босу ногу.

Дождь давно закончился, и на улице всюду светило солнце.

– Значит, Гедеон тебя с утра везде искал. – Скэр вернулся из ванной и уселся на ковре, прислонившись к кровати. Он взял книгу, которую я ему советовал ещё на прошлой неделе, – роман Тургенева «Отцы и дети».

– Не напоминай... – Я сел за уроки. – Боюсь представить, что будет, когда он вернётся. Останешься сегодня у меня?

– Чтобы побыть твоей жилеткой, когда получишь от брата? Да не вопрос.

Так пронеслось несколько часов. Я тонул в учёбе; Скэр читал Тургенева, периодически меняя позы и локации: вот он улёгся на ковре, затем снова сел, переместился на кровать, предусмотрительно скинув ботинки.

Когда я закончил с геометрией, на часах было уже семь вечера. С облегчением отложив тетрадь, я потянулся, разминая затёкшие мышцы.

– Не хочешь переку... – повернувшись, проговорил я и осёкся. Скэриэл спал на моей кровати, обнимая свёрнутое одеяло. Рядом на подушке покоилась книга. Вместо закладки он подложил линейку. Я достал с верхней полки шкафа ещё одно одеяло и укрыл его. Выглядел он сейчас таким – я задумчиво почесал шею, рассматривая Скэриэла, – умиротворённым, а может, даже милым. Точно! Милым и трогательным. Замерев, я тут же скорчился от собственных мыслей. Что на меня нашло?

С улицы раздался шум мотора. Я подскочил к окну, но не стал высовываться, наоборот, спрятался за плотными шторами. Из такси вышел Гедеон и направился к дому. Он поднял голову, посмотрел в мою сторону. Я отскочил от окна, надеясь, что остался незамеченным. Выглядел он устало, я бы даже сказал, измученно. Волосы завились от влаги, и теперь он походил на поэта Шелли. Полы его плаща развевались при ходьбе, шёл он стремительно. Я с ужасом представил, что это он так несётся ко мне.

К величайшему облегчению, Гедеон не появился у меня спустя минуту и даже спустя полчаса. Я всё это время сидел как на иголках, пытался отвлечь себя книгой с картинами Яна ван Гойена, но мрачные творения ещё больше ввергали в ужас. Я вздрагивал от каждого шороха и всякий раз, когда кто-то проходил мимо моей комнаты, хотел вскочить и разбудить Скэриэла. Тот всё ещё мирно посапывал в обнимку с одеялом.

Между тем почти наступило восемь часов вечера – время, когда вся наша семья обычно собиралась в большой столовой. Мама ввела эту традицию ещё в нашем детстве, и мы должны были принарядиться, словно на званый ужин. Я достал из шкафа чёрную рубашку и брюки в тон. Придётся сидеть с Гедеоном за одним столом, так что я заранее готовился к своим похоронам.

Спустившись, я увидел, что во главе стола – на месте отца – сидит брат. Он выглядел посвежевшим и был одет в новую дизайнерскую сорочку. В отличие от меня, он всегда интересовался модой. Его вообще можно назвать денди: он любит жилеты, перчатки, галстуки,

бабочки, пиджаки, плащи, рубашки и сорочки разных фасонов и расцветок. Его безупречный вид неизменно притягивает внимание, но стоит любопытным юношам и кокетливым девицам с ним заговорить, как он сразу отталкивает всех колкими замечаниями. Этот контраст очень удивляет меня в брате: его лицо редко выражает эмоции, он холоден, молчалив, но при этом все отмечают его изысканные манеры.

Рядом с братом сидела Габриэлла в пышном голубом платье – по всей видимости, тоже новом: она никак не могла на себя наглядеться. Габи рассказывала о подругах из балетной школы. Я уселся на противоположной от Гедеона стороне, не потому что горел желанием видеть его лицо во время ужина, а потому что это место уже накрыли для меня. Прислуга ела отдельно, и потому широкий дубовый стол выглядел особенно пустым с тремя наборами посуды.

Гедеон посмотрел на меня с усмешкой. Я отвёл взгляд, уткнувшись в стол. Кэтрин собиралась разлить по глубоким тарелкам суп.

– Сильвия, – негромко позвал брат, – будьте добры, накройте ещё на одного человека.

– Папа приехал? – обрадовалась Габи.

Я в ужасе посмотрел на Гедеона.

– Нет. – Он с мягкой улыбкой повернулся к сестре.

– У нас будет гость? – не унималась та.

Я шумно вздохнул. Сердце стучало как бешеное.

– Готье, ты не мог бы позвать нашего гостя? Он немного задерживается.

Все в столовой уставились на меня. Габриэлла догадалась, о ком речь, и ойкнула, прикрыв рот ладошкой. Сильвия удивлённо цокнула языком, словно я действительно все эти дни скрывал у неё под носом щенка. Кэтрин застыла с тарелкой в руках около меня, как и Фанни, которая держала графин с водой. Все поняли, о ком говорил Гедеон.

– Не понимаю, о чём ты, – проблеял я, не веря самому себе.

– Ты вынуждаешь меня подняться в твою комнату, – с нажимом проговорил Гедеон.

Казалось, время замерло. Даже часы в холле перестали идти. Конечно, это была только моя буйная фантазия. Я как будто прилип к стулу. Ладони вспотели, и я торопливо вытер их о брюки. Он хочет, чтобы я позвал Скэриэла. И что дальше? Мы поужинаем одной большой семьёй? Или он решил сегодня избавиться от всех: Оскара, Скэриэла и меня?

Я медленно отодвинул стул. В тишине предательски громко раздался скрип.

– Фанни, милочка, принеси ещё один набор, – бесцветно проговорила Сильвия.

Когда я поднимался по лестнице, колени подкашивались, и я думал, что рухну и сломаю себе шею. Это было бы неплохим завершением вечера. По крайней мере, я подобающе одет. К этому моменту Скэриэл проснулся и дочитывал «Отцов и детей». Он посмотрел на меня, приподнялся и выжидательно замер. Уверен, я выглядел так, словно увидел привидение.

– Что случилось? Кто-то умер? – Он отложил книгу.

– Гедеон приглашает тебя к столу, – не узнал я свой голос.

– Что? – Он выгнул бровь. – Это шутка?

– Хотел бы я, чтобы это было идиотской шуткой. Он знает, что ты здесь.

– И мне что, правда спуститься? В таком виде?

Мне и в голову не приходило, что Скэриэл сейчас выглядит так, будто пришёл покорять танцполы «Глубокой ямы».

– Может, ты наденешь что-то из моей одежды? – безнадёжно спросил я.

– Да ты же крошечный, я не влезу ни в одну из твоих шмоток.

– Да пошёл ты, – вспылil я. – Ты выше всего сантиметров на пятнадцать.

– Так я всё равно крупнее тебя. Ты видел свои запястья? Прямо как у Биби.

– Выметайся из комнаты! – Тут я разозлился не на шутку. – Пойдёшь в таком виде.

– Расчёску хоть дашь? – примирительно спросил Скэриэл, когда мы уже выходили.

– Обойдёшься.

Впервые мы спускались по лестнице вместе: Скэриэл больше любил покидать мой дом через окно. Двигался он спокойно, я бы даже сказал, непринуждённо, а моя походка напоминала движения осуждённого моряка, которого пираты приговорили к прогулке по доске. Конец лестницы представлялся последней точкой, которая неизбежно приведёт меня к главной акуле – к Гедеону.

Подойдя к столу, я выдохнул, как перед прыжком в воду, и поднял взгляд.

Габриэлла приветливо помахала Скэру рукой. Он улыбнулся ей и тут же скис под взглядом Гедеона.

– Добрый вечер, мистер Лоу, – проговорил Гедеон ледяным голосом, – вы так часто бываете у нас дома, что пора вам выделить отдельное место за нашим столом.

– Очень приятно с вами познакомиться, – радостно выпалил Скэриэл. – Готье много хорошего о вас рассказывал.

Надо было видеть моё лицо в этот момент. У меня опять отвисла челюсть. Врать я не умел, следовательно, поддержать наглую, пусть и во благо, ложь был не способен. Мне показалось, что я слышу закулисный смех, как в ситкоммах, когда происходит что-то до ужаса нелепое и комичное. Пока я боролся с яростным желанием хлопнуть себя по лбу и простонать что-то в духе: «Иисусе...» – Скэриэл продолжал, по моему мнению, ухудшать ситуацию.

– У вас чудесная семья. – Он торопливо уселся за стол. – Я всегда хотел иметь старшего брата и младшую сестрёнку.

Он лучезарно, во все тридцать два зуба, улыбнулся Гедеону, а затем повернулся к Габриэлле. Сестра прыснула и поспешно закрыла рот ладонью, продолжая беззвучно смеяться, как будто ей сделали забавный комплимент. Гедеон выглядел так, словно собирал всё самообладание в кулак, чтобы не перевернуть стол.

Я уселся на своё место и под столом, незаметно от всех, больно ударил Скэра ступнёй по голени. Тот даже бровью не повёл. В это время Фанни наполнила наши стаканы водой, а Кэтрин разлила по тарелкам наваристый куриный суп. Сильвия стояла за спиной Гедеона и смотрела на Скэриэла как на самую большую ошибку в мире. Как будто он одним своим присутствием за столом с чистокровными плюнул ей в душу.

– Очень вкусно пахнет. – Скэриэл продолжил пугать всех своим дружелюбием; теперь он взялся за Кэтрин, которая хотела поставить наполненную тарелку рядом с гостем. Её руки дрогнули, когда он внезапно к ней повернулся.

Когда все получили свои порции, Гедеон первым взял ложку, и мы последовали его примеру. Обычно наша семья после смерти мамы ела молча, за столом болтала только Габи, но Скэриэл ничего не знал о наших ужинах, а трещать как сорока – в этом он был мастак. Не знаю, как описать этот ужин, но я точно запомнил его на всю жизнь. Никогда ещё мне не доводилось пережить столько эмоций, как за эти полчаса.

Когда мы только принялись за еду, меня одновременно охватили волнение, отчаяние и страх, казалось, моя спинномозговая жидкость вскипит, как вода в чайнике. Но это было только начало представления под названием «Скэриэл Лоу на ужине у Гедсона Хитклифа».

Габриэлла опять заговорила о балете, подругах и школе. Скэр уцепился за первую тему и поведал о том, как в детстве с мамой ходил на постановку «Щелкунчик и Мышиный король». Это была такая трогательная история, что я даже расслышал, как Фанни – они с Кэтрин, само собой, подслушивали – охнула от умиления. Габи с большим интересом слушала Скэриэла и задавала вопрос за вопросом, отвечая на которые, тот умудрялся ещё красочнее расписывать тот далёкий вечер. Возможно, я бы тоже умилился, если бы не знал, что Скэриэл врёт как дышит. Но делал он это настолько правдоподобно, что уличить его во лжи было бы по меньшей мере бесчеловечно с моей стороны.

Если вначале Гедсон готов был окунуть Скэра в кастрюлю с горячим супом, то сейчас, наблюдая, как Габи смеётся и получает удовольствие от общения с ним, стал чуть снисходительнее, просто сидел, будто воды в рот набрав. Не знаю, специально ли Скэр выбрал тактику игнорировать меня и всё внимание посвятить окружающим, но это работало. С Габи он болтал на любые темы. Затем пару неловких минут восторгался сорочкой Гедсона, а брат при этом выглядел так, будто его сейчас стошнит прямо в тарелку. Следующим номером Скэриэл сообщил растерянной Сильвии, что она похожа на знаменитую актрису, недавно получившую «Оскар». Он раз десять повторил, как божественен суп, и довёл Кэтрин и Фанни до того, что обе вышли к нам в столовую забирать пустые тарелки красные, как спелые помидоры. Когда Фанни наполняла стакан Скэра, он добил её строчками из стихотворения неизвестного мне октавианского поэта.

Гедсон выглядел таким изумлённым, словно до последнего был уверен, что «мистер Лоу» не знает алфавита, а если и умеет считать, то только до десяти.

Я думал, что умру прямо здесь, сидя на стуле, пока Скэр охмуряет всех вокруг.

Когда Фанни подала свой фирменный яблочный пирог, теперь улыбаясь Скэриэлу, как родному сыну, тот рассказывал романтическую историю о том, как познакомились его родители. Шёл дождь, мама, ещё совсем юная, забыла зонт, и отец предложил проводить её до остановки. Так они поделили большой красный зонт тем осенним днём, а через два года стали семьёй. А потом настал тот злосчастный день, когда они попали в автокатастрофу. Казалось, что сейчас Сильвия, Кэтрин, Фанни и Габи утопят нас в слезах, подобно Алисе из Страны чудес.

Ужин подошёл к концу, и я был рад поскорее скрыться в своей комнате, но Скэр вызвался помочь прислуге. Он схватил все стаканы и понёс их на кухню под одобрительный смех Кэтрин и Фанни. Когда он вернулся ко мне, я сидел на кровати всё в том же одеянии.

– «Щелкунчик и Мышиный король»? – скептически спросил я.

– Приврал немного, – с лукавой улыбкой ответил Скэр, заваливаясь рядом. Он выглядел уставшим.

Приврал немного? Скорее, основательно заврался.

– Что по поводу первой встречи родителей?

– Увидел эту сцену в каком-то старом фильме, кажется, шестидесятых годов. Я, по правде, не знаю, как познакомились мои родители.

– Ты болтал без умолку.

– Один из моих непревзойдённых талантов, – гордо объявил Лоу, – я как Демосфен, мастер в ораторском искусстве.

– Скорее, мастерски пускаешь пыль в глаза.

– Этим тоже можно гордиться, – улыбнулся Скэриэл.

У меня не осталось сил спорить. Я просто был чертовски рад, что эта попытка под названием семейный ужин закончилась.

В дверь постучали, когда мы сели играть в Resident Evil. Я услышал голос Сильвии:

– Господин Готье, не могли бы вы заглянуть в кабинет, вас ожидает господин Гедеон?
– Да, хорошо... Спасибо!

Я испуганно переглянулся со Скэриэлом. Тот шутливо уверил:

– Он не будет тебя убивать при таком количестве свидетелей в доме.

Я ударил его локтем в бок, от чего он сгорбился и зашипел.

– Не одному же мне страдать, – пошутил я в ответ.

Покидая комнату, я угрюмо обернулся. Скэриэл сделал вид, что плачет, и помахал мне рукой на прощание. Я показал ему средний палец и хлопнул дверью.

Гедеон сидел в одном из глубоких кресел и при виде меня даже не пошевелился. Я нерешительно встал у двери, на всякий случай готовя пути к отступлению. Но брат незаметным кивком указал мне на второе кресло. Я скованно сел на самый край.

Наступила пронзительная тишина. С прямой спиной, чуть расслабленный, брат сидел, закинув ногу на ногу. Медленно приподнял правую руку. Опёрся на неё головой. Настоящий аристократ в раздумьях. Он смотрел на меня долго, выжидающе, как будто я должен был в чём-то сознаться.

– Ты скорее всего не представляешь, какую кашу заварил, верно? – раздался спокойный голос, в котором я легко различил металлические нотки. Гедеон был зол, но пока контролировал свой гнев.

– Я не хотел...

– Оставь эти оправдания для кого-нибудь другого, – перебил он и потянулся к столу за CD-диском. – Знаешь, что это?

Я помотал головой.

– Видео с камер клуба. Выкупил сегодня у них. – Гедеон надавил на диск и быстрым движением расколол его. – Запросили бешеные деньги за получасовые кадры, где тебя обрабатывают два низших.

Два низших? Билли была не одна? О ком он говорит... Видимо, по моему лицу было ясно, что я ничего не понимаю.

– Девушка отвлекала, а парень за спиной подкинул таблетку в твой сок. Стандартная схема. К счастью, твой дружок вовремя подоспел.

Я должен увековечить этот день. День, когда Гедеон похвалил Скэриэла.

– Сегодня он может переночевать у нас, Сильвия приготовила ему спальню для гостей. Но я хочу, чтобы он не попадался мне на глаза. Моя благодарность не вечна.

Я кивнул.

– На этом всё, ступай.

В такие минуты Гедеон был точной копией отца. Поднявшись, я направился к выходу, но запнулся на полпути. В голове с космической скоростью проносились вопросы. Что произошло с Оскаром? Где он сейчас? Что было в полицейском участке? Почему Оскар бросил меня в клубе? Гедеон заметил моё замешательство и раздражённо спросил:

– Ну, что ещё?

– А... хм... – Я мялся и не решался задать вопрос. – А что с Оскаром?

Кажется, я опрометчиво вытащил красную тряпку перед разъярённым быком. Гедеон стремительно поднялся, оскалился – и быстрым шагом настиг меня. Испуганный и растерянный, я отскочил назад и спиной ударился о дверь.

– Волнуешься за него? Или ты с радостью ещё раз поскакал бы с ним в «Яму»? – Гедеон исходил ядом.

Он прижал меня к двери, подступил вплотную, наклонился – и я только сейчас заметил блёклые светлые веснушки на его носу и щеках. Почти такие, как у Габи.

– Конечно нет! – возразил я так яростно, словно от этого зависела моя жизнь. Но, кажется, так оно и было.

– Если я ещё раз увижу тебя в компании Оскара, вы оба окажетесь в больнице на соседних койках. – Он проговорил это медленно и чётко, как будто я был несмышлёным ребёнком и не понимал нормальную речь. – Уяснил?

– Да-да, – закивал я.

– А теперь проваливай, – процедил он.

От его презрительного взгляда по телу пошёл холодок. Я никогда не чувствовал себя настолько ничтожным, как сейчас. Гедеон развернулся на пятках и отошёл, всё ещё kloкоча от ярости. Я слепо пошарил рукой, дотянулся до ручки, приоткрыл дверь и пулей вылетел из кабинета.

Когда я ввалился в свою комнату, дыхание перехватило. Я был словно загнанный в силки зверёк, еле держался на ногах. Скэриэл подскочил ко мне, глядя во все глаза.

– Что... Что случилось?

Колени подогнулись. Я просто упал на ковёр – и Скэр чудом меня поддержал. Я всегда собой владел, даже не проронил ни слезинки на маминых похоронах, но сегодня всё пошло не по плану. Мне было больно. Из-за Гедеона. Почему он себя так ведёт, почему держится со мной, словно я его злейший враг? Что я ему сделал? В чём провинился? Я не виноват, что родился в этой семье и стал его младшим братом!

Лицо горело. Я пытался скрыть всё от Скэриэла, но прерывистое дыхание, хлюпающий нос и красные глаза, которые я тёр, говорили сами за себя. Я ненавидел себя за свои эмоции. Ненавидел Гедеона за то, что он мой брат. Ненавидел Скэриэла за то, что он стал свидетелем этой ужасной сцены.

– Готи, ну что ты, – почти проскулил он над моим ухом.

Я всё ещё чувствовал его горячую ладонь на своей спине. Он успокаивающе гладил меня, и от этого хотелось разрыдаться ещё сильнее. Но, к счастью, я недолго размазывал слюны. Успокоившись, вытер лицо рукавом рубашки и замолчал. Мне не хотелось говорить. Нужно было просто побыть в тишине со своими мыслями. Скэриэл это знал, и я был ему благодарен. Он сидел рядом – я чувствовал его плечо – и молчал, уткнувшись в книгу. Он не читал, просто смотрел на один и тот же разворот минут двадцать.

Сильвия постучала в дверь, когда мы оба пришли в себя и вернулись к Resident Evil.

– Мистер Лоу, пожалуйста, пройдите за мной, я покажу вам вашу спальню на сегодня.

Скэриэл прыснул, услышав «мистер Лоу» из уст Сильвии.

На часах было около одиннадцати вечера. Я успел умыться, почистить зубы и теперь готовился ко сну. На ходу скинул рубашку и брюки, скомкал их и бросил в сторону.

Сон не шёл. Наверное, я перенервничал и теперь не мог заснуть, как после выматывающей спортивной тренировки. В полночь в дверь тихо постучали. Я поднялся и открыл, уже зная, кто меня там поджидает.

Скэриэл вошёл посвежевший после душа, в пижаме (наверное, Сильвия дала), с подушкой и одеялом. Уверен, ему выдали и тапочки, но он, как обычно, пришёл босой.

– Не могу заснуть, – прошептал он.

– Я тоже.

Мы улеглись на моей кровати, каждый под своим одеялом. Это было очень кстати, потому что часто он утягивал общее одеяло, и я замерзал ночью.

– Спокойной ночи, – вскоре проговорил Скэриэл и зевнул.

– Ага, ночи.

Пока Скэриэл сладко сопел, я битый час не мог заснуть. Меня не отпускали события последних двух дней. Почему Гедеон злит *на меня*? Я ведь был жертвой. Всё, что мне сейчас хотелось, – это узнать от Оскара, зачем он так поступил. Может, специально отвёз меня в клуб? Чтобы рассорить с братом, ведь тогда я бы мог выбрать его в наставники? Звучало как

третьесортная чушь. Но меня правда волновало, было ли это злым планом или неудачным стечением обстоятельств?

– Скэр? – шёпотом позвал я.

Тишина. Он спал ко мне спиной. Я слабо потрепал его по плечу:

– Мгм? – сонно промычал он. – Что?

– Спишь?

– Нет, не видишь, в шахматы рублюсь. – Он снова зевнул. – А ты?

– Не могу заснуть.

– Ну давай вместе... – Он, кажется, снова засыпал.

– Я хочу встретиться и поговорить с Оскаром.

– Что-о-о? – Скэр перевернулся ко мне лицом. – Нехило тебя брат приложил.

– Он меня не бил.

– Что Геден сказал? – Скэр потёр глаза, посмотрел на электронные часы на столе. Два часа ночи.

– Чтобы я держался подальше от Вотермила.

– А ты что задумал?

– Э-э... поговорить с ним.

Я не слишком чётко видел лицо Скэриэла в темноте, но догадывался, что он думает о моих умственных способностях.

– Зачем? – жёстко спросил он после небольшой паузы.

– Ну... просто... – Я не знал, как объяснить. – Хочу понять, почему Оскар так поступил. Скэриэл приподнялся на локте. Его голос зазвучал над моей головой.

– Потому что он мудака.

– Это не объяснение. Я хочу понять его мотивы. Иначе я не успокоюсь.

– Чистокровные все такие ранимые птички или только ты? – с иронией спросил Скэриэл.

– Да пошёл ты. – Я отвернулся от него.

Скэриэл улёгся и выдохнул, как будто разговор со мной был выше его понимания.

– У меня есть связи в этом клубе, я могу поспрашивать про Оскара, – тихо проговорил он, когда я решил, что он уже дрыхнет без задних ног.

– Получится? – с сомнением спросил я. – Это не опасно?

– Ну... Геден мне жопу не надерёт, как тебе. – Я услышал тихий смех за спиной.

– Спасибо. – Я снова повернулся к нему лицом.

– Спасибо будешь Фанни говорить. А мне ты обещал день в македонском стиле.

– Боги, ты всё ещё это помнишь, – простонал я в подушку.

– Да, Искандер, филэ помнит все твои обещания.

– Твою ж мать...

Скэриэл громко рассмеялся. Я шикнул, зажимая ему рот рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.